

Дмитрий Манаев

Район

© 2015 – **Дмитрий Манаев**

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to: altaspera@gmail.com

В тексте сохранены авторские орфография и пунктуация.

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

Дмитрий Манаев.

Родился 29 июля 1979 года в г. Саратове, где и живёт по настоящее время. В 1998 году закончил Саратовский Авиационный Техникум. С 2008 года активно занимается творчеством, регулярно выступает на всевозможных арт-вечерах. Постоянный участник фестиваля актуальной поэзии «Центр Весны». Публиковался в альманахе «Василиск», в газете «Литературная Россия», в «самиздатовском» журнале «Утка 76», а так же на всевозможных интернет-ресурсах (Стихи.ру, Проза.ру, Со-автор и т.п.). В декабре 2014 года издательством Altaspera Publishing (Канада) опубликованы книги «Время Менять Номера» (стихи) и «Per Aspera» (малая проза).

В настоящий сборник вошли рассказы, очерки и прозаические миниатюры разных лет.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр. 4	ВОЗВРАЩЕНИЕ
Стр. 6	МАЛЬЧИКИ С ГИТАРКАМИ
Стр. 9	СКОРО ПОХОЛОДАЕТ
Стр. 11	ОБЫЧНАЯ РАБОТА
Стр. 16	НА ПЯТОМ ЭТАЖЕ
Стр. 20	КОПРОФОБИЯ
Стр. 23	В ОЖИДАНИИ ДОЖДЯ
Стр. 26	СЛОНОВЬЯ ПАМЯТЬ
Стр. 28	НЕ ПИШЕТСЯ
Стр. 30	РАЙОН
Стр. 32	ЗАЧЕМ?
Стр. 33	КОФЕ
Стр. 34	С НАСТУПЛЕНИЕМ СУМЕРЕК
Стр. 35	ГАЗОН
Стр. 38	39,4
Стр. 39	ГОРОДСКАЯ СВАЛКА
Стр. 40	ЖАЛЮЗИ
Стр. 41	МЕНЯ НЕ СЛОМАТЬ
Стр. 43	ВЗРЫВ
Стр. 43	НЕСКОЛЬКО СМЕШНЫХ ЧАСОВ
Стр. 44	ГОРМОНАЛЬНАЯ ТУРБУЛЕНТНОСТЬ
Стр. 46	ДРУГОЙ ЧЕЛОВЕК
Стр. 49	ЧЕМОДАН
Стр. 50	ЦЕЛЬ
Стр. 54	ЛИСТ
Стр. 56	ДОСТАТОЧНО, ЧТОБЫ ПОНЯТЬ
Стр. 66	БЕСЦЕННЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Утро. Я брёл по очень длинному, пропитанному вековой плесенью коридору. По сторонам от меня тянулись бесконечные вереницы дверей. Окон здесь не было, а солнечный свет заменяли висящие над каждой дверью тусклые лампочки, да и те могли служить разве что ориентиром. Серовато-пыльного свечения их едва хватало на то, чтобы были видны прибитые к дверям металлические таблички с выгравированными номерами.

Вдруг впереди, буквально в нескольких метрах от меня что-то скрипнуло. Подойдя поближе, я понял, что источником скрипа была одна из дверей. Видимо обитатели комнаты не заперли её на ключ, и теперь – наверное от сквозняка, – дверь чуть-чуть приоткрылась, образовав тонкую щель, через которую пробивался непривычно яркий для этого мрачного коридора свет. Подойдя вплотную к двери, я легонько толкнул её, и, когда дверь открылась достаточно широко, заглянул внутрь.

Взгляду моему представилась большая светлая комната, весь интерьер которой состоял из необъятной старинной кровати. Спинка её была украшена искусной готической резьбой. Само ложе крепилось к четырём массивным деревянным столбам, которые были увенчаны фигурками злобно оскалившихся химер, охранявших спящего от кошмаров. Комната произвела на меня какое-то странное впечатление: с одной стороны здесь было очень светло и уютно, но при этом казалось, что в сам воздух здесь пропитан нескончаемой ласковой грустью.

Печально улыбнувшись я собрался было выйти, но вдруг застыл на месте, словно поражённый громом. На кровати среди множества беспорядочно разбросанных подушек, я увидел наконец обитателей комнаты.

Тончайший алый шёлк заманчиво обнимал плечи двух прекрасных длинноволосых созданий. В каждом их вздохе чувствовалась бесконечная жизнь, втекающая в воздух ярко освещённой спальни. Ощущая всем телом присутствие этой всепроникающей, но в то же время совершенно

непостижимой энергии, я стоял в проёме приоткрытой двери, глуповато прислонившись к косяку.

Насквозь пропитанные воспоминаниями всех тысяч прошлых ночей, стены казались мягкими и податливыми. Пространство и время теряли свою насущность. Сиюминутные желания и вечные ценности сжимались в единое, невероятно пронзительное ощущение. Мистический реализм вдохновенного безоблачного утра.

Нежные пушистые лапы первых солнечных лучей беззастенчиво скользили по совершенным изгибам юных тел. Последние мгновения сна таяли на губах, превращаясь в тихие, настойчивые стоны. При этом движения рук под шёлковыми покровами оставались завораживающе плавными. Глаза девушек широко раскрывались на пике наслаждения, и в каждом взгляде читались безотлагательная жажда, неистребимое вожделение, божественная похоть непорочной юности.

Я ощущал себя катастрофически неуместным в этом зачарованном мире. Всё здесь было прикрыто дымкой сновидений, ещё не растворившихся в ярком свете надвигающегося дня. Я же сам казался себе каким-то излишне реальным и потому – недостойным случайно открывшегося мне великолепия. Но уйти, чтобы может быть никогда в своей серой, безрадостной жизни не увидеть подобного? Нет, это было выше моих сил! Стараясь не думать о последствиях столь наглого вторжения, я вошёл в комнату и прикрыл за собой дверь.

Две пары потрясающих карих глаз безо всякого удивления – скорее изучающе, – смотрели на меня. Я же просто стоял посреди комнаты, совершенно не представляя, что делать дальше. Продолжая пристально разглядывать незваного утреннего визитёра, девушки уселись поудобнее на подушках. Шёлковые покрывала соскользнули с их плеч, предоставив мне возможность насладиться созерцанием совершенных юных тел. Самих красавиц это, видимо, нисколько не смущало. Не отрывая от меня взгляда, одна из них взяла с кровати подушку и бросила её на пол прямо передо мной. Затем кивком головы она велела мне присесть. Я, не задумываясь, повиновался. Усевшись достаточно

удобно на большой и мягкой подушке, я снова посмотрел на девушек. Они по-прежнему наблюдали за мной. Постепенно, одна за другой, все мысли ушли из моей головы. Теперь я, уже совершенно не стесняясь, смотрел в глаза этих таинственно-великолепных созданий. И чем пристальнее я вглядывался в бездонность их карих глаз, тем сильнее притягивали они меня.

В какой-то момент я ощутил, что уже не могу оторваться, что разум мой абсолютно чист, что всё лишнее в моём осознании сгорело и превратилось в прах. Существовал только вот этот бесконечный миг тотально-гармоничного молчания. Глаза девушек из карих постепенно превратились в космически-чёрные, но чернота эта не была просто отсутствием цвета – скорее в ней ощущался источник всех цветов, всех запахов, всех звуков. Это была сама первозданность, всепорождающее ничто. Дух мой и всё, что составляло когда-то моё «Я» не сдерживаемые уже никакими условностями, упивались теперь свободой полного исчезновения, распада в прекрасно-пугающем безвременье. Какое-то время в остатках моего самосознания ещё господствовало ощущение неопишуемого полёта во всех направлениях, а потом я и вселенная слились в одно бескрайнее и непостижимое. В ту же секунду раздался мощный хлопок, и я обнаружил себя бредущим по длинному мрачному коридору мимо бескрайней вереницы запертых дверей. И знаете что? По-моему я улыбался.

МАЛЬЧИКИ С ГИТАРКАМИ

Я сожрал такое количество счастливых билетиков... Что? Вы не понимаете, о чём я толкую? За каким, спрашивается, хуем вы вообще взялись читать мою писанину?! Оставьте это тем, кто понимает. Так вот, я сожрал столько этих грёбанных билетиков, что в один прекрасный день я либо сорву невероятный куш, либо осчастливлю человечество, благополучно скончавшись от несварения желудка или заворота кишок. Наверное, чтобы ничего плохого не

случилось с моими внутренностями, я обычно запивал проглоченный клочок бумаги каким-нибудь алкоголем.

Нельзя, конечно же, сказать, что всевозможные напитки, начиная с пива и заканчивая спиртом, я употреблял исключительно в таких вот невинных целях. Пил я и по другим поводам. И совсем без повода. Насколько помню, пил я всегда. Пил и писал стихи. Нет, одно от другого не зависит, просто так получается. Не важно. И ещё я всегда гордился тем, что столько пью. Это было моим фирменным знаком, моей отличительной чертой. Надо заметить, что ничего хорошего мне эта особенность не приносила.

Но я пил всё равно. Погружаясь в пучину мизантропии, взлетая на пик идиотического оптимизма, просто барахтаясь в мутной луже повседневности, я крепко сжимал горлышко бутылки и чувствовал какую-то уверенность, определённости, что ли... Мне говорили:

- Эй, да ты же алкаш!

- Идите на хуй! – отвечал я и делал очередной глоток.

А иногда было так:

- Эй, чувак, давай играть рок?

- Заебись!

- Будешь писать тексты и бить в барабаны!

- Охуенно!

- Придёт суперпродюсер и сделает нас звёздами, чувак!

- Да, парни, так и случится – жопой чувствую!

- Только стихи у тебя мутные...

- Да?

- Ага! И рифмы... Почему у тебя нет рифм? Напиши что-нибудь попроще, ну чтобы петь можно было...

- На хуй! Забудьте про это. Где бухло?...

Мальчики с гитарками. Они вламывались в мою вдохновенную помойку, корчили из себя невесть что, и я уже начинал думать, что недостоин их общества, но после третьего стакана всё вставало на свои места. Обычные разьебаи. К началу второго литра я приходил в чувство и понимал, что разговариваю сам с собой. Лучшее, что можно предпринять в такой ситуации – это пойти вздремнуть. Никогда так не поступал. Зачем?

Нет, осознав, что занимательная моя беседа на самом деле является монологом, я только улыбался и продолжал дискуссию.

- Ну, допустим, я напишу что-нибудь попроще – в чём смысл?

- Будем петь!

- Кто, вы что ли?

- Да, а что?

- Ничего! Что-то я ни за кем из вас певческого таланта отродясь не наблюдал!

- Ну тебя на хуй! – обижались мальчики с гитарками, - Можно подумать...

- Можно! Но у вас и это не получится!

- Почему это?

- Потому что при отсутствии голоса, вы и мозги свои носите в жопе! И заняты они у вас исключительно тем, чтобы сесть поудобнее или просрать пообильнее!

- Ты же пьян! Как с тобой вообще можно разговаривать? Несёшь какую-то ахинею!

- Я вам дело говорю! Мозги в жопе – это плохо! Ни подумать, ни посрать по-человечески не получается!

- Всё, мы валим отсюда.

- Эй, куда это вы?

- Хуй его знает! Но только бы тебя не видеть!

- Пиздуйте! Всё равно приползёте обратно со своими мудацкими планами!

- Спокойной ночи!

- Ой, бя! Уёбывайте уже! Я спать хочу.

И они уходили, бурча в дверях какие-то обидные слова... Поебать! Я выжидал минут десять, а потом одевался и выползал на улицу.

Обычно подходил какой-нибудь автобус, я садился и, катясь в произвольном направлении, пялился в грязное окно, мимо которого проплывали уёбищные картины. Родной город, бя!

- Оплачиваем проезд!

- Сейчас! А у вас билетика счастливые?

- Чего?

- Так, хуйня всякая в голову лезет. Не обращайтесь внимания.

Все вечера были похожи друг на друга. Ну, может быть, с самыми незначительными вариациями. Обычно мне доставалось то, что нужно. Но неделю назад в моём городе закончились билеты с удачными цифровыми комбинациями. И ничего смешного здесь нет! Я охотился за дурацкими бумажками по всем трамваям, исколесил автобусные и троллейбусные маршруты во всех направлениях – никакого результата! Что ж, поначалу-то я впал в депрессию, но подумав, как следует, решил, что теперь мне точно повезёт. И вот, после обычной вечерней перепалки с гитарковыми мальчиками, я снова сижу в автобусе. Мои карманы едва не лопаются от пива – я прихватил с собой весь арсенал, все пятнадцать банок. Запоздалые пассажиры таращатся на меня, как на какую-нибудь диковинную зверушку, но я невозмутим.

- Эй, вы тут вот все едете и совершенно ничего не знаете!

Молчат!

Ну и хуй с ними. Мне-то теперь надо просто подождать свою удачу. Где-нибудь на самой дальней остановке. Сяду на лавочку, открою очередную банку пива и буду тихо наслаждаться частыми плевками осеннего дождя. А что ещё делать?

СКОРО ПОХОЛОДАЕТ

Дилинь-дилинь-дилинь... Ой, бля! Что за хрень? Враги? Нас предали и мы окружены? Где мой шлём!? Где мой ёбанный шлём? Автомат... Гранаты... Базука... Танк... Дилинь-дилинь-дилинь-дилинь-дилинь...

Ёб твою мать, это же будильник! Сейчас, сейчас, вот вздремну ещё минуту... Нет, даже не вздремну – так, поваляюсь... На хуй! Надо вставать: знаю я эти «вздремну-поваляюсь» - потом за пять минут буду пытаться привести себя в порядок, а в итоге опоздаю минут на десять.

Так, ну «не выспался» – это уже привычное дело. Трёх часов конечно маловато, чтобы наутро подняться свежим и отдохнувшим. А, не важно - сейчас плесну в лицо тёплой водой, почищу бивни, потом попью кофе – может хотя бы от

привкуса дурацкого во рту избавлюсь. Ну вот, уже не так плохо.

Из клетки, что стоит на микроволновке, на меня своими красными бусинками уставилась крыса. «О, привет! Как спалось?» Зверюга ничего не поняла, но сделала приветственный круг по своей клетке. «Иди сюда!» Ну ясное дело, она и не собирается убегать из моих лап – тепло и, может быть, пожрать дадут. Глупая тварь, но откуда светит очередной кусок хлеба или ещё чего – это она запомнила очень хорошо. «Ладно, пиздуй в свою квартиру!» Очутившись в клетке и поняв, что сейчас кормить её никто не собирается, разьебайка принялась рыться в опилках, отыскивая вчерашние заначки. Ладно, хуй с ней – мне надо собрать пустые бутылки.

Запихав тару в мусорный пакет, попытался его завязать... И завязал, промучившись не больше десяти минут. Стекло пришлось несколько раз вынимать, чтобы уложить более-менее рационально.

Так, ну вот, сейчас оденусь, и можно будет валить. Вроде бы не опаздываю. Главное, чтобы пробок было не больше, чем обычно.

Когда я вышел из подъезда, с неба посыпал едва заметный снежок. О, Заебись! И тучи такие, какие бывают зимой – низкие, серые, плотные. Не знаю почему, но такое небо мне очень нравится. На самом деле, сейчас мне нужно только одно: чтобы небо оставалось таким весь день... Но – ебучая несправедливость и вездесущее запахло! – заглянув за угол дома, я обнаруживаю какие-то просветы, через которые пытается протолкнуть свои хилые лучи неспросавшееся ноябрьское солнце. Ну что за уродство!? Ладно, может в центре всё не так плохо.

Всю дорогу троллейбус словно пытался убежать от приставучих кусков чистого неба. Или это я пытался убежать. Да, наверное так правильнее – троллейбусу явно нет никакого дела до моих неврастенических терзаний. Как бы то ни было, но добравшись до нужной мне остановки, я задрал башку и чуть было не ударился о нависающие снеговые тучи. Ха-ха-ха! Вот это – моя погода! Сразу исчезли последние воспоминания о недосыпе и чрезмерном

количестве сала, от которого теперь так хреново моим кишкам. Ничего-ничего! Согрею чайник, попью крепкого чайку – так, чтобы глаза на лоб лезли, - выкурю пару сигарет и через полчаса буду в полном порядке. Даже уборщица Валя не сможет испортить мне настроение своими идиотскими репликами.

Я ещё разок посмотрел наверх. И в этот момент прямо на кончик моего носа опустилась невъебенных размеров снежинка. «Ну всё, вот и зима пришла!» - подумал я, улыбнулся загадочно ебанутой улыбкой и попиздил работать свою работу...

А тучи рассеялись часам к одиннадцати. Та снежинка была чуть ли не единственной, которой удалось, каким-то чудом добраться до земли (точнее до моего носа). К обеду воздух прогрелся до плюс десяти, но меня это почти не волновало. Один хуй, скоро похолодает. Огромный метеорит, несущийся на дикой скорости к нашей планете, ещё неделю назад был обстрелян российскими и американскими ракетами, но что-то там не заладилось, и часть наших ядерных боеголовок благополучно приземлилась в Нью-Йорке и Чикаго... Уже вчера в ответ на проявленную агрессию пентагон послал в нашу сторону несколько крылатых ракет, но из-за сбоя в системах наведения были уничтожены Мюнхен, Кишинёв и Неаполь. При этом метеорит хоть и изменил свою траекторию, но тем не менее продолжает движение в сторону Земли, угрожая сравнять с землёй китайские монастыри, пагоды и рисовые поля. Пожалуй, из такой переделки человечество уже не выберется. Ну и хуй с ним.

ОБЫЧНАЯ РАБОТА

Серая хмурая Города вползла в мою душу. Ничего, ничего... Сейчас, сейчас... Прогнивший шифер хрустит под ногами. Корявые покосившиеся антенны скребут нежную, небесную плоть. Чёрт, как же неудобно тащить по скользкой крыше тяжёлую шершавую кишку пожарного шланга. Неудобно, но так надо.

Внизу – безмозглые толпы аборигенов. Они ещё ничего не знают. Просто спешат по своим норам. Конец рабочего дня. Ууу, бя! Будет вам сейчас праздник! Откуда берёте вы такие стрёмные лица? Помните, ведь, когда вы были детьми, за каждым фасадом глаз читалась одухотворённость, нащупывалось будущее, - где всё это теперь? Пробежали в погоне за жирным куском!.. Ничего, сейчас мы вдохнём в вас немного разума (или хотя бы страха).

Едва не наебнувшись пару раз и продавив в одном особенно гнилом месте крышу, я наконец-то добираюсь до своей цели. Ограждение по периметру. Смотрю вниз. Не так уж и высоко – три этажа всего, - но для моей миссии вполне достаточно. Толпа внизу становится плотнее – час пик. В сгустившихся сумерках меня не видно, а я стою тут, как завоеватель – широко расставив ноги и вцепившись двумя руками в металлический конец гидранта. Резкие порывы северного ветра того и гляди опрокинут меня. Хорошо ещё, что ветер дует мне в левый бок, а не в спину и не в лицо. Насладившись своим, как мне кажется величественным видом, я достаю рацию.

- Макс, это Фил, приём!

- Макс на связи! Как дела, Фил?

- Я на месте. Можно начинать.

- Понял тебя. Даю отсчёт. Приготовься.

- Готов.

- Пять... четыре... три... два... один... Поехали!

Через несколько секунд я слышу привычный уже шорох – это, наполняясь, расправляется длинная кишка за моей спиной. Мышцы напряжены до предела. Изо всех сил сжимаю металлический наконечник. И всё-таки, несмотря на устойчивую, казалось бы, позу, на надёжную хватку и на общий боевой настрой, шланг поначалу чуть было не вырвался из моих рук. Охуенный напор! Коричневая вонючая струя, нагнетаемая мощной помпой из бака ассенизаторской машины, описывает в вечернем небе прицельную дугу. Наконец, справившись со своим оружием, я направляю поток фекалий в самый центр людского потока. Ещё секунду никто не понимает, что собственно происходит и откуда взялась эта нестерпимая вонь. Но вот раздаются

испуганные крики и толпа пытается кинуться в рассыпную – куда там! Людей так много, что единственным более-менее свободным пространством кажется проезжая часть, но и там не так много места – вечерняя пробка. Я вижу, как люди кидаются под колёса, лезут на крыши авто, кто-то в панике ломится в заколоченные парадные двери трёхэтажки, с крыши которой я веду обстрел. Нееет! Эта хуйня вам не поможет! Как заботливый огородник, я начинаю методично поливать говном улицу. Противоположный тротуар, проезжая часть, снова тротуар – ближайший ко мне, - и всё в обратном порядке. Паника усиливается пропорционально нарастающей вони. Слышен звон разбивающихся фар, истошные вопли клаксонов. Толпа уже не кричит – ревёт, словно раненый и обосравшийся зверь. Жаль, я со своей высоты не вижу их лица! Но вполне могу себе представить. Жрите, суки, свое дерьмо! От невероятного запаха меня начинает мутить. Кажется, что весь мир до последнего атома источает фекальный аромат. Ничего, ничего... Так надо!... Ради вашего же блага!...

- Фил, это Макс, приём! – раздаётся из рации, висящей на нагрудном кармане спецовки.

Зажимаю рвущийся на свободу гидрант своими коленями, освобождаю одну руку и нажимаю на кнопку передачи.

- Фил на связи!

- Пора закругляться – мы почти пустые. Готовься, ещё секунд десять.

- Понял тебя.

Поток говна заметно слабеет. Удерживать шланг можно уже одной рукой. Как и сказал Макс, через десять секунд из гидранта вырвался прощальный комок вонючей жижи. Всё.

Пригнувшись, словно диверсант под вражеским обстрелом, я бегу к противоположному краю крыши, к пожарной лестнице, ведущей во двор. Вот самая опасная часть миссии – если кто-нибудь догадается обойти дом, мне пиздец! Парни не будут ждать, пока я спущусь, а сорвутся с места, предварительно отстегнув шланг. Мне же останется молиться, чтобы линчевание было по возможности быстрым. Но пока что нам везло.

Сбрасываю с крыши гидрант – пока я ползу вниз, Макс и Семён сматают. Ебучая прогнившая лестница. Надо быть предельно осторожным, чтобы раньше времени не оказаться на земле, заваленным кучей ржавых обломков. Уф! Наконец-то твёрдая почва под ногами. Кровь, переполненная адреналином, бешено стучит в голове. Шатаюсь, словно пьяный иду к машине.

- Фил, давай быстрее! Сейчас менты нагрянут!

- Иду, иду!

Ну вот, спасительная кабина.

- Поехали, Семён! Только не гони...

- Ёб твою мать, Фил, я что, первый раз что ли!?

- Извини, нервы!

- Ладно, забудь! Как всё прошло?

- Охуенно! Только подташнивает немного.

- Ну, это понятно. Вонючка жуткая, даже во дворе дышать нечем было.

- Да уж, - согласился Макс, - сегодня говно что-то особенно ароматное попалось!

- Угу! Улицу теперь надо с шампунем мыть недели две.

- Точно!

Наш «газик» медленно дворами выполз на достаточно отдалённую от места нашей диверсии улицу, и тут уж Семён ото всей души вдавил педаль газа.

- Машина номер девять, вызывает центр, ответьте! – захрипела рация.

- Девятая машина на связи!

- Поздравляем всех с удачным выполнением миссии. Смотрим вечерние новости – парни, вы как всегда на высоте!

- Спасибо, стараемся!

- Возвращайтесь на базу - премия от руководства Партии уже ждёт вас.

- Понял.

- Спокойной ночи всем! Конец связи.

И рация замолчала.

- Вот за что я люблю эту работу, - прокомментировал Макс, - на бабло наши боссы никогда не скупятся!

- Не знаю, а для меня главное – само ощущение. Там, наверху...

-
- Ну, Фил, потому ты и бегаешь по крышам – и получаешь, кстати, побольше нас. Но только я ни за какие деньги наверх не полезу! Пусть этим ебанутые, вроде тебя занимаются, а мне и так хватает!
 - Каждому своё!
 - Согласен.

Когда через пару часов, переодевшись, отмывшись и выпив по кружечке пивка с коллегами, я добрался до своей квартиры, жена ещё не спала.

- Привет, дорогой! Что-то ты долго сегодня...
- Ну, ты же новости смотришь, знаешь, что сейчас в городе творится.
- Ну да!
- У нас вся редакция на ушах стоит. Сверху пришло указание срочно готовить какой-нибудь материал, чтобы отвлечь население. Вот мы и пытались нарыть побольше всяких бытовушных драк и звёздных скандалов.
- По телеку сказали, что ответственность взяла на себя Партия. Это ж надо – четвёртый раз за последний месяц!
- Уроды! Была б моя воля – я бы таких заставлял всё это дерьмо языками с улиц убирать!
- Не говори! Подумать только – самый центр! Там теперь наверно с год ходить невозможно будет.
- Это точно!
- Хорошо, что мы на окраине живём – хоть сюда они пока не добрались.
- А хуй ли им здесь делать – тут и своего дерьма предостаточно!
- Ага! Ты есть будешь? Я курицу пожарила. Только она остыла уже наверно.
- Да ладно, сойдёт и холодная. Кстати, нам тут премию выдали, чтобы стимулировать, так сказать. На вот, купишь себе чего-нибудь.
- Ой! Классно как! Мне как раз сапоги нужны зимние!
- Ну вот и сходим завтра – у меня выходной.
- Нет, слушай, как всё-таки хорошо, что у тебя нормальная работа – и зарплата неплохая, и премии, и выходные, да и

вот с квартирой помогли... Этим «партийным деятелям» такое и не снилось поди!

- Да откуда?! Там одни ебанутые на своих убеждениях – им денег не надо. Лишь бы пакость какую сотворить.

- Больные!

- Ага! Ну пошли на кухню. Я поем, да выпьем по стаканчику Мерло. Всё-таки денёк сегодня выдался удачный, хоть и тяжеловато было.

НА ПЯТОМ ЭТАЖЕ

В доме моём (что бы ни было моим домом) редко бывают гости. Жалуюсь на одиночество? Нет, не думаю. С какой стати мне жаловаться?

Мы встречаемся с *ней* вечером, около ближайшего супермаркета. Скромный поцелуйчик. Привет, как дела? Заходим. Берём две бутылки шампанского, пинту водки («Русский Лёд»), два литра газировки и что-нибудь на закуску (колбасу, маринованную рыбу, корнишоны, что-то ещё). Идём к кассе. Чёрт! Возвращаемся за хлебом. Да, надо бы ещё пивка в дорогу купить. Ага! Берём пару чего-нибудь холодненького и такого, чтобы пить можно было. Снова к кассе. Расплачиваемся. Грузим всё в пакеты. Денег на сотовые положить не помешало бы – ей и мне. Вот терминал. В кошельке только крупные купюры. Ну и ладно, потом.

Выходим в осеннюю ночь. До дома минут пять ходьбы. Прогулочным шагом.

- Тебе пиво открыть?

- Да, если не трудно - у меня руки заняты.

- Не трудно.

Первый глоток. Кажется, что мы ждали этого весь день. *Она* – точно ждала. От постоянных скачков атмосферного давления, от перемены погоды (то тепло, то холодно, то солнце, то дождь) *её* мучает мигрень. Меня – нет. Пиво – самый лучший способ избавиться от головной боли, – *ей*, по крайней мере, помогает. Хорошо, хоть так. Пьём. Медленно – а куда торопиться? Мигрень постепенно уходит и *она* уже

может улыбаться. Нет, я пока ещё не слышу звонкий колокольчик её смеха, но улыбка – это тоже неплохо.

Ночь пропитана дымом осенних костров – во всех дворах, садах, скверах жгут листья. Но, не смотря на это, воздух кажется свежим и чистым. Наверное, за всю жизнь мы просто привыкли к этим традиционным осенним запахам. Не обращаем внимания.

Идём и говорим. О чём? Не знаю. И она не знает. Просто говорим. Хорошо, выходя из супермаркета, обнаружить в своём кошельке несколько крупных купюр. Да. Кто-то поймёт. Бывает ведь и так, что даже войти не с чем. Посмотрел на витрину и – мимо. Нередко так бывает. Но сегодня всё в порядке. Не имеет значения, что через пару дней деньги утекут, как песок сквозь пальцы. Не экономить же, в конце-то концов. Эй, Эй! Подождите! Да, некоторые умеют откладывать на чёрный день, растягивать от зарплаты до зарплаты. И что? Не пей, потому что можно всё пропить. Не ешь, потому что можно всё проесть. Не живи, потому что можно всё прожить. Прекрасно, не так ли? Но нам это не подходит. Так уж сложилось. Ничего. Квартплата, телефон, электричество, интернет, - даже останется немного. А сегодня можно попить, поесть и пожить в своё удовольствие. Это мы и сделаем.

Подъезд. Дверь. Пятачок магнитного замка. Лифт. Пятый этаж. Пришли. Ставлю пакеты на стол, начинаю доставать содержимое и запихивать в холодильник. Она снимает пальто и присоединяется ко мне. Вместе – веселее. Шампанское, водку и «севен ап» убираем в морозильное отделение, - всё почти кипит. Хорошо ещё, что пиво осталось. Не хочется прерываться. Допиваем потихоньку. Можно бы и поужинать, но сегодня хочется употреблять еду исключительно в виде закуски. Открываю консервы, ставлю их на стол. Сервировка ни к чему – только посуду пачкать. Две вилки, два стакана, рюмка. Достаточно. Она переодевается в свой любимый халат. Отлично! Я знаю, что под халатом нет ничего, кроме тела - роскошного и аппетитного. Забыл про пиво. Ага, вот ещё пара глотков и всё. Если смять пустые банки, они занимают очень мало места в мусорном ведре. Я всегда так делаю.

Ну, теперь можно расслабиться окончательно. Без лишних шумовых эффектов открываю шампанское. Может быть это и не так забавно, но мне нравится. И *ей*. С водкой и «севен апом» проще – они не стреляют. Наливаю *ей* полный стакан (фужеров у нас нет) игристого вина. Себе – рюмку «Русского Льда». На пробу – такую ещё не пил. Ничего так, на водку похоже. Мешаю себе водку-7.

- Слава Богу, голова совсем прошла!

- Отлично! Твоё здоровье!

Чокаемся. Пьём. Говорим. О чём? Не имеет значения. О моих рассказах, о *её* рассказах, о детях, о работе. О джинсах с низкой талией. Мне нравится: чуть просунул спереди руку – и вот уже под твоими пальцами всё, что нужно. Наверное, так оно и есть. Я не пробовал – *она* такие не носит, а к незнакомкам лезть в трусы почему-то не принято. Ладно.

Клонит в сон. Самое гнусное время – с 22.00 до полуночи, – кажется, нет такой силы, которая смогла бы удержать мои веки в поднятом состоянии. Ну, секс разве что... Нет, пока не светит это – ещё слишком много выпивки осталось. Поехали!

Наливаем. Чокаемся. Пьём.

Я закурываю. Облегчённые сигареты – полный отстой. Много маленьких дырочек в бумаге (там, где фильтр), чтобы меньше дыма попадало в лёгкие. Чёрт, как можно это курить? Извращение! Беру ножницы и отрезаю дырявую часть. Табак попадает в рот, но я хотя бы что-то чувствую. Так-то лучше.

Говорим.

Между делом *она* примеряет платье, которое планирует надеть 31 октября, на хеллуин то есть. Неплохо, неплохо... Мне достаётся пара минут стриптиза. Так и не привык к этому зрелищу. И не хочу привыкать. Каждый раз таращусь на *неё* так, словно впервые вижу обнажённую женщину. *Она* забавляется. Потом снимает платье – снова стриптиз! – и мы продолжаем пить... Или говорить? Наверное, и то, и другое.

Открываю второе шампанское. Водки ещё много – не выпил и половины. Нормально, на завтра останется.

Она просит помассировать *ей* голени. Ну конечно! Пододвигаю свой стул так, чтобы оказаться напротив *неё*.

Ага. *Её* ноги на моих коленях, при этом распахивается халат, приоткрывая тщательно выбритый лобок. Чудесно. У *неё* восхитительная кожа – такая, которую очень приятно гладить, – но я немного боюсь поранить эту красоту своими грубыми ручищами. Поэтому действую так аккуратно, как только могу.

Ещё по стаканчику.

И ещё.

Чувствую, что напиваюсь. *Она*, судя по всему так же близка к этому. Разговор становится всё оживлённее, темы – интереснее, движения моих рук – настойчивее. Наклоняюсь и целую *её* колени...

Ах, точно, забыл побриться. У *неё* очень чувствительная кожа. С ума можно сойти. Такое всё нежное, мягкое, чистое. Куда я со своей щетинистой физиономией? У электробритвы сели батарейки. Ладно, включаю заряжаться и бреюсь заодно. Вроде бы теперь гладко.

Снова сажусь перед возжеленными ножками. Клонит в сон. Только теперь – *её*. Ну, что уж там: у *неё* осталось на пару бокалов. Поглаживаю очаровательные пухленькие бёдра. Как же тут оторваться? Вы смогли бы? Вот и я не могу. Секс? Да и не обязательно – можно петтингом ограничиться.

- Слушай, ты мне допить не поможешь?

- Что, не осилишь?

- Да я засыпаю уже...

- Ну давай!

Чокаемся. Отпиваем по маленькому глотку. Она ставит свой стакан.

- Это тебе. В меня что-то больше не лезет.

- Понял. Сейчас.

Зачем тратить время? Выпиваю оба стакана залпом.

Душ приму завтра утром. Наверное. Не важно – сейчас не до него. Раздеваемся и падаем на диван. Надо поторапливаться, покуда сон не одолел нас.

Квартира пуста и безмолвна. Здесь редко бывают гости. И это вовсе не так плохо, как кажется.

КОПРОФОБИЯ

Иххх... ффф... иххх... ффф... иииххх... ффффуу!... Слава богу, успел! Ох уж мне эти утренние забеги – попытки настичь уходящий транспорт... Дыхательный аппарат у меня совершенно не приспособлен для таких опытов. Хреновый у меня дыхательный аппарат. Ну да что там – сам виноват. Страшно представить, на что похожи мои лёгкие вследствие злоупотребления табаком... Хотя, тут я, пожалуй, солгал: было бы страшно – не курил бы.

Ладно, так или иначе, но свой троллейбус я настиг. Ворвался в него через переднюю дверь, по инерции пролетел через весь салон и упал на самое последнее сиденье – то, которое спиной вперед едет. Всё! Можно погружаться в дрему.

Каждое утро по дороге на работу я совершаю «Ритуал Постепенного Пробуждения». Сейчас объясню. Дело в том, что встаю я в 6.00, но мой организм категорически протестует против резкого подъёма по звонку будильника. Поэтому, совершив все необходимые утренние процедуры (туалет-умывание-одевание-кофе) и добравшись до транспорта, я сажусь и засыпаю, чтобы дать своему сознанию возможность теперь уже спокойно вползти в реальность наступающего дня. Вот так.

Короче говоря: вот оно, моё сиденье. Кондуктора нет – ну и хрен с ним! Оплата при выходе. Не имеет значения. По привычке озираюсь. Пассажиров почти нет (кроме меня – две старушки на передних сиденьях). Всё правильно. Воскресное утро – какой идиот без особой нужды вздумает кататься на троллейбусе? Никакой. Вот и замечательно. Никто не будет толкаться, дышать перегаром и смотреть жалостливо-ненавидящим взглядом на меня, успевшего занять сидячее место и упорно нежелающего уступать его кому бы то ни было.

Я уже собираюсь закрыть глаза, как вдруг... Нет! Этого не может быть! Конечно, в салоне несколько грязновато, но... Может, показалось? Ещё раз смотрю по сторонам. Всё - как обычно, кроме одной маленькой детали – в самом дальнем углу, почти не отличаясь по цвету от коричневого пола,

лежит аккуратная кучка дерьма, накрытая сверху маленьким клочком газеты. С ума сойти! Пытаюсь не обращать внимания на чей-то нерукотворный памятник – как бы ни так! Взгляд словно магнитом притягивается к загаженному углу. Нет, о том, чтобы оставаться на этом месте, не может быть и речи. Хорошо ещё, что свободных сидений полно. Пересаживаюсь. Закрываю глаза. И тут же перед глазами рисуется во всех подробностях только что увиденная картина. О, дерьмо!

Вздremнуть теперь точно не удастся. Но это не так страшно. Хуже всего то, что мысли мои упорно не хотят уходить от заинтересовавшего их видения. Кто, интересно, этот отчаянный засранец? Когда он умудрился свершить своё вонючее дело? (Ну, понятно, что не вчера – по утрам, перед рейсом, в общественном транспорте всё же немного убираются.) А что, если сейчас, несмотря на воскресенье, начнётся давка? Кто-нибудь ведь обязательно не заметит... Бля! Ну почему мне так «везёт»? Сел бы сразу где-нибудь поближе к водительской кабине – уже давно спал бы!...

Остановка. Ну-ка, посмотрим на людскую реакцию. Вот, чёрт! Водитель почему-то не открыл заднюю дверь. Судя по всему, он прекрасно осведомлён о том, что творится в его троллейбусе... А уж не сам ли он?... Ну да: остановился, не доехав до конечной, присел в укромный уголок и – с облегчением! С улицы это точно незаметно... Мимо меня, привлечённый свободными задними сиденьями прошёл какой-то мужик. Интересно, на сколько его хватит? Ага, заметил! С полнейшим недоумением на лице (у меня, наверное, такое же было) пересел. Ладно, по крайней мере, я не галлюцинирую. Нельзя сказать, что это сильно радует, но хотя бы нет сомнений в адекватности моего восприятия.

Едем дальше. Задняя дверь на остановках по прежнему не открывается, что лишний раз убеждает меня в причастности водителя к происшедшему здесь акту дефекации. Если бы не поджимало время, я бы с радостью сошёл на первой попавшееся остановке и прошёлся бы пешком. Не судьба. Закрываю глаза. Дерьмо в моём сознании растёт, заполняя постепенно собой всё, не оставляя возможности воспринимать что-либо кроме себя. Вот так и становятся

параноиками. Ничего особенного. В этой стране все находятся на грани.

Я ещё хорошо помню 90-е, когда в трамваях и троллейбусах напрочь отсутствовали сиденья (а порой и стёкла), не работала половина дверей, поручни были выдраны с корнем, и повсюду валялся мусор. В те времена увидеть в транспорте кучу дерьма, лужу крови или блевотины было обычным делом. Но прошло больше пятнадцати лет! Неужели всё это возвращается?

А впрочем, разве что-то изменилось? Да, кое-где стало почище – и на улицах, и в головах, - но ростки цивилизации ещё так слабы, так ничтожно малы, что ими запросто можно пренебречь. Что многие и делают, превращая родную среду обитания в выгребную яму. К чему иллюзии? Не надо быть параноиком, чтобы увидеть: экскременты повсюду. Им смогли придать некоторый лоск, даже ароматизировали, но изменить суть не смогли. Дерьмо осталось дерьмом – таким, в котором цветут и крепнут быдлизм и жлобство. О каких «ростках» может идти речь при наличие такого количества сорняков? Замкнутый круг. Не видя ничего, что могло бы помешать (или пренебрегая ввиду незначительности), быдло срёт себе под ноги и становится ещё более вопиющим в столь высококачественном навозе. Иначе и быть не могло...

...На выходе, расплачиваясь с водителем, я гляжу в его глаза. «Ну, чего вылупился? Подумаешь, говно он увидел! Чего тут такого уж страшного-то?» «Пожалуй, ты прав,» - думаю я в ответ, беру сдачу и вываливаюсь из троллейбуса в густой ноябрьский туман.

В конце концов – спасибо энтузиастам троллейбусных дефекаций, - от неприятных ощущений, связанных с ранним подъёмом, не осталось и следа. Может быть, в том, чтобы испражняться где попало, есть определённый кайф... Не знаю. Надо будет попробовать.

В ОЖИДАНИИ ДОЖДЯ

Сажу у окна. Сигарета, чашка горячего кофе. Утро. И светит солнце, и желтеет листва... Осень балует нас тёплыми ясными днями. Да, балует, но лучше бы уж шёл дождь. Первое октября. Ну же! Приласкай мою изнеженную трусливую душу своими влажными ладонями. Дай мне очередной повод, маленький шанс укрыться от назойливо-радостной вселенной. Я всего лишь хочу услышать шорох падающих капель в жёлтых листьях каштанов. Так мало. Тишина.

Раздражённо втягиваю дым. Кто я? Очередная бездарность, спрятавшаяся от посторонних взглядов в самом центре огромного десятиэтажного муравейника на окраине Саратова. Провалиться ему! Кому? Какая разница? Этот город или другой. Этот дом, или чуть больше, или чуть меньше.

Кто я? Автор нескольких сотен бестолковых стихов, десятка сумбурных рассказов. Всё – мусор, но плохо не это. Куда хуже – знать, что пишешь плохо и не иметь возможности остановиться. Недавно кто-то познакомил меня с одной юной особой:

- Знакомьтесь...
- Привет! Я – Бетти!
- Привет! Ну, я тогда – Манай... Дед Манай!
- А, очень приятно...
- Взаимно...
- А чем Вы занимаетесь?
- Стихи пишу...
- Да? Я тоже!
- Вот как!? (ужас какой!)
- Ага, у меня где-то чуть больше тысячи хокку! Ну и так ещё...
- Хммм... Неплохо...

Чёрт! Что за чушь такая?! Тысяча глупых трёхстиший, и куча прочего хлама. Зачем всё это? Но она счастлива! Она не знает, что пишет ужасно (а как же ещё?!). Она не знает, что послание, растворённое во всём этом псевдояпонском великолепии, не достигнет своей цели, не затронет чьи-либо

чувства. Она не знает, что никому ни до кого нет дела. И продолжает строчить: две тысячи хокку, три тысячи хокку... Банзай!...

Она ничего не знает. А я знаю, но так же как она не могу сказать: «Всё! Хватит морочить людям голову!» Не могу, потому что боюсь: а вдруг всё накопившееся где-то внутри меня мыслительно-чувственное дерьмо, выйдет из-под контроля и хлынет мутным вонючим потоком наружу, смывая по пути остатки моего рассудка... Нет, лучше уж медленно сводить с ума странных людей, имеющих неосторожность проникнуться моими словоиспражнениями. А есть ли такие? И сколько их? Четыре? Пять? Не имеет значения!..

Делаю глоток уже остывшего кофе. Что за дрянь?! Похоже, я снова попался. Похоже, мои раздумья опять поймали мой желудок. Так всегда. Надо бы к этому привыкнуть, да я как-то забываю. Ну что же, вот ещё одна сигарета. Вот ещё один день. Вот ещё одна страница. Всё идёт как по маслу. Или катится. В тартарары. Не унывай, чувак! Всё ещё будет о'кей! Мы схватим за жопу синюю птицу или кого-то ещё (лучше – кого-то ещё!). Пиши. Пиши. И будет тебе счастье, и признание, и ещё чёрт знает что. Бриллиантами будут осыпаны твоя голова и плечи. Во веки веков. Аминь...

Да-да, всё будет, но мне-то нужен только дождь. Медленный, спокойный и долгий, как секс с давно знакомой женщиной, когда изучен каждый сантиметр её тела, когда известно всё, чем она может порадовать, и уже нет смысла торопиться, а можно просто наслаждаться близостью.

Мне нужен дождь. И я сижу, и жду его здесь, на пятом этаже, на окраине Саратова. И ничего не могу с этим поделать. Может быть, оно и к лучшему?

Пиши.

Пиши.

А зачем? Все места заняты. Гришковец взял наши души, протащил их сквозь валики и прессы своих воспоминаний, и выдавил скупую, по-дурацки счастливую слезу. Пелевин снял с наших мозгов сентиментальную шелуху и пропитал их дымом тлеющих косяков – мы уже не плакали. Сорокин просунул свою лапу поглубже в наши открытые рты и чуть

пощекотал внутренности – мы немного удивились... А Буковски был американским пьяницей, не имел к нам никакого отношения и умер где-то на диком западе в далёком 1992 году – и это был конец всего. Но некоторые из нас всё ещё бредут по своим пыльным тропам, натываясь то на могилы братьев, то на созданные ими монументы, то на какие-то непонятные, дурно пахнущие предметы. Вперёд, вперёд. Хоть к чему-нибудь, хоть просто так...

Раздался звонок в дверь. А, чёрт! Неужели и здесь меня можно достать!? Два молодых человека с портретом какой-то женщины в траурной рамке.

- Здравствуйте, мы из сто второй квартиры. Собираем деньги на похороны.

- Э-э-э...

(Ну вот, кто-то отмучился, и теперь печальные родственники бродят по дому, пытаюсь вызвать сочувствие у тех, кто ещё как-то барахтается. Нет, господа, вы пришли не по адресу!.. Но надо хотя бы попытаться быть хорошим человеком! Надо, иначе – всё пропало!)

- Вы знаете, у меня сейчас совсем нет денег...

- Ничего, мы понимаем, это не обязательно...

- Ребят, извините ради Бога, я правда на мели!

- Ничего, ничего...

Я прячусь в свою нору. Вроде бы на этот раз пронесло. Какое-то время ещё можно будет наслаждаться покоем. Ага! Вот ещё сигарета. Смерть порой проходит совсем рядом, но я к счастью ещё не значусь в списке её клиентов. Впрочем, тут разве можно что-то знать наверняка?

Пиши.

Пиши, покуда есть ещё время. Жди свой осенний дождь, заливайся дешёвым портвейном, теряй ориентиры в прокуренной кухне, влюбляйся в самых потасканных женщин... Иногда такое безнаказанно сходит с рук. Лотерея. Когда выпадает счастливый билет, жизнь не кажется такой уж отвратительной. Попадают ещё на пути ножки в чулочках, а кое-кто из *них* не надевает нижнее бельё. Кто знает, может это хороший знак? Может быть, есть ещё шанс остаться незамеченным или встряхнуть опостылевшее небо?

Окно. Сигарета. Кофе.

Утро. Первое октября. Листва выглядит так, словно солнце наконец-то добралось до неё и разукрасило по своему усмотрению. Ярко. Светло. Холодно.

Лучшее, что я мог бы сделать – это принять горячую ванну и выкинуть всё к чёртовой матери из своей головы. Что ж, пусть так и будет.

И тут пошёл дождь.

СЛОНОВЬЯ ПАМЯТЬ

- Ну да, так оно значит и было! - пророкотал Чак, - Что-то дёрнуло меня встать пораньше. Выхожу на кухню, а там - он! - Неужели дуракан? - поинтересовалась машинистка Сьюзи. - Ага, он самый! Гляжу - подбирается к холодильнику, гад! Вот, думаю, напасть-то - от них же теперь житья не будет. Всегда так: где один завёлся, там жди ещё сотню-другую.

- Эт точно - прокомментировал менеджер Тони, - плодятся со страшной скоростью!

- Ну вот и я о том же. Нет, думаю, голубчик, я вам загадить свою квартиру не дам! Подкрался к нему поближе, да ногой-то на него и наступил. Мгновенно - в лепёшку. Бедняга даже пикнуть не успел. Пришлось, правда, потом пол отмывать - больно уж пятно большое осталось...

- Фууу! - брезгливо скривилась Сьюзи, - Гадость какая!

- Да, приятного мало - заметил Тони, - но лучше уж один раз убраться как следует, чем потом с ними бороться.

- Я вот только одного в толк не возьму, - задумчиво сказал Чак, - откуда берутся эти твари? Вроде бы уж лет пятьсот, как с дураканами покончено, а они нет-нет да и выползут!

- Я слышала, они под землёй прячутся. Будто бы не все их норы уничтожили...

- Сьюзи! Какие норы? Это называется "метро"!

- А, ну да! Ох уж эти дураканские словечки! Никак не могу запомнить - уж больно короткие.

"Да уж, умом ты не блещешь, несмотря на два высших образования, - подумал Чак, глядя на очаровашку Сьюзи, -

так и будешь всю жизнь на машинке стучать!" - а вслух сказал:

- Что ж, вполне возможно, что и остались кое-какие тоннели. Их ведь в своё время очень много было. Мне прабабка рассказывала - она-то помнит ещё времена, когда дураканы нас считали чем-то вроде домашней живности...

- Дураканы? Нас? Чак, да это сказки всё!

- Сюзи, это не сказки - это история! - раздражённо заявил Тони.

- Да ну, не верю я во всё это!

- Ну и напрасно!

- Да я знаю, это правительство специально мифы всякие поддерживает, чтобы народ в страхе держать! Мол, вот не будете подчиняться - захватят вас дураканы... Чушь собачья! Ну скажите, ну как они могут нами повелевать? Они же такие маааленькие...

- По официальной версии - ответил Чак, - у них какое-то секретное оружие было. "Интеллект", вроде называется. Только что-то не заладилось с этим "интеллектом". В итоге их же оружие обернулось против них самих. Вроде как слишком много этого самого интеллекта было вложено в так называемый "интернет", а тот, вместо того, чтобы служить своим создателям, начал из них выкачивать и внимание, и чувство реальности, и способность к обучению, и память, наконец. Ну а без всего этого дураканы стали тем, кто они есть и поныне - мелкими паразитами. Не очень даже опасными. Так, противные они просто, гадят много. Ну и всё. Кстати, про "интеллект" и "интернет" ещё в школе рассказывают. Знать надо такие вещи!

- Да я помню, знаю! Только не верю всё равно! Ну вот как-то в голове не укладывается.

- Ага, но тем не менее, какую-то необъяснимую неприязнь при одном упоминании о дураканах ты чувствуешь?

- Ну чувствую - и что?

- А то! Это заложено в нас генетически. Значит всё-таки в какой-то мере эти зверьки опасны - в природе ничего не бывает просто так! Всё...

- Тони, Сюзи, ребят, вы извините, но мне пора, - спохватился вдруг Чак.

- Куда это?

- Да я ж совсем забыл - надо ведь о каждом факте появления дураканов сообщать в СБВ - Службу по Борьбе с Вредителями. Пойду я в общем...

- Ну, давай!

- Пока, Чак!

- Пока!

Чак встал из-за столика и направился к выходу из ресторана, грациозно махнув на прощанье хоботом.

Конечно, умом он тоже не очень-то доверял официальному варианту истории. Слишком уж очевидным и серьёзным было превосходство слонов над прочими живыми существами. Настолько очевидным, что для них, живущих через пятьсот лет после вырождения дураканской породы, какая-либо иная расстановка сил на этой планете казалась, мягко говоря, фантастической.

Но Томми, пожалуй в чём-то прав: ничего в природе не бывает просто так... Нет, срочно надо сообщить в СБВ - пусть принимают меры!

И Чак решительно зашагал по улице, мурлыкая себе под нос древнюю, как мир песенку на непонятном мёртвом языке:

"Yesterday

all my troubles seemed so far away.

Now i'd look as though they here to stay.

Oh, i believe in yesterday..."

НЕ ПИШЕТСЯ

Слово за слово не цепляется,

не идёт ничего из сознания.

Память, что же ты издеваешься

над нелепым двуногим созданием?

Мне бы строчку сейчас злободневную,
мне б с дубиною афористической
в драку влезть саркастически-гневную -
победил бы без боя практически!

Но с исходом исток не вяжется,
навсегда отключилось сознание.
Лишь похмелье одно куражится
над нелепым двуногим созданием.

- Ну и что, блядь?
- Что?
- Ну, вот это... Что это такое?
- Стихи.
- Стихи!?
- Да, первые стихи нового года.
- Ни хуя себе!
- А в чём дело-то?
- Дерьмо!
- Где?
- Здесь!
- И что конкретно вам не понравилось?
- А то, что ты уже и на пару-тройку приличных четверостиший не способен, но корчишь из себя гения!
- Нормальные стихи...
- Нормальные!? Одни тупорылые рефрены пополам с глагольными рифмами. Вечный смурной депрессняк. Да ещё и ложь повсюду. От первого до последнего слова!
- Ну, не совсем ложь...
- Ой, да ладно! Кому ты сказки рассказываешь? Ты, когда тридцатого декабря "Мост" написал, почему не пошёл и не спрыгнул?
- Лёд на реке был...
- Опять пиздишь! Ты ведь и не пытался. А стоило бы.
- Слушайте, ну хорошо, у меня блядские лживые стихи. Ну так и не читайте их, если не нравятся. Только отъебитесь.
- Что, неприятно правду выслушивать?
- Я же сказал, отъебитесь!
- Бездарность!

- Ну и ладно!
- Зачем ты лжёшь? Тебя же читают. И может быть кто-то верит.
- Читают!? Кто?!!
- Люди!
- Где?
- На сайтах всяких... Мало ли... Сам же вывешиваешь постоянно.
- Бросьте хуйнёй заниматься! Никому моё творчество не интересно. И вообще, валите, мне работать надо!
- Хам!
- Сами вы хамы! Кучка чего-то нематериального из моей головы!
- Ладно, что с тобой разговаривать? Пока... Поэт, блядь!..
- Пока!
И они удалились. Кучкой. Я перечитал стих - он и впрямь был так себе. Не очень-то впечатляюще для начала нового года. Если всё так пойдёт и дальше, то лучше будет в самом деле сигануть с моста... Или снотворного нажраться... Или... Я включил комп и вылез в интернет. Размещу-ка своё барахло на паре сайтов.
А что ещё с этим делать?

РАЙОН

Сейчас всё будет немного похоже на правду - правду, осознанную и зафиксированную безнадежным неудачником. Среда обитания накладывает отпечаток. Гиблые места. Хмм... Какого чёрта! Мне нечего скрывать - это Заводской район. Город Саратов. Я здесь когда-то родился, живу тут кучу времени и с этим ничего особенного не поделаешь. Мне стрёмно от всего этого. Стрёмно от того, что я так никуда и не делся - и, скорее всего не денусь. Стрёмно от того, что я не выросший в уважаемом районе придурок с блестящим будущим и несомненным прошлым. Нет, я

придурок с окраины самого беспонтового города на планете. Но мне тут нравится.

В этих местах всегда есть кого ненавидеть. В общем-то ненавидеть тут можно всех. Можно выйти на улицу и разmozжить голову первому встречному - на это обязательно будут причины. Я так не делаю, но мне приятно осознавать, что я могу так делать. Казалось бы, это самое подходящее место, чтобы планировать какую-нибудь кровавую революцию, или спиваться, или писать стихи, - то есть посвящать себя чему-то, что требует постоянно пребывать в тонусе. Я вот, например, хотел бы достаточно обоснованно считать себя революционером, поэтом или, на худой конец, алкоголиком. Но нет, я просто перетекаю из одного дня в другой, как и многие местные жители. Более активные ищут, конечно же, как бы развлечься, но при этом держатся в определённых рамках, не замышляя ничего более brutального, чем дружеские полуночные потасовки возле ярко освещённых магазинов и погружённых в первозданный мрак подъездов. С другой стороны я всё-таки знаю людей, которые живут здесь и хотят править миром, не покидая привычной среды обитания. Правда эти делают ещё меньше, чем все остальные. И я не хочу, чтобы кто-то подумал, будто я имею что-либо против любого из перечисленных вариантов - надо же нам как-то убивать время в путешествии через все эти дыры. Когда монотонность бытия становится излишне напряжной, мы веселимся, как можем: шумим, оскорбляем друг друга, берём всё, что плохо лежит и не разочаровываемся, если взятое оказывается дерьмом; варимся в одном котле, и каждый пятый считает себя неповторимой индивидуальностью. Это безопасно, но выглядит, как бунт. Те, кто ненавидит нас, тоже не остаются в накладе - они вроде как отстаивают вечные социальные ценности. Утрированно яркие эмоции актёров-любителей, ничего не слышавших о системе Станиславского, разливаются по жизненному пространству, захватывая всё большее количество участников самой бездарной пьесы. Если бы я сказал это кому-нибудь из наиболее ортодоксальных аборигенов, меня бы убили, как иностранца и, скорее всего, съели бы... Ну, может и нет. Как бы то ни

было, мне нравится мой стрёмный Заводской район, я даже немного горжусь тем, что нормальные люди побаиваются без особой необходимости соваться сюда. Все вон! Это территория крыс, бродячих собак, бритоголовых уродов и ярко размалёванных тёлочек. Если ты умудряешься жить здесь и не принадлежать ни к одной из указанных категорий, значит ты либо идиот, либо герой. Так вот всё просто и категорично. Чёрно-белое мышление - это хороший способ не переживать по мелочам. Мне помогает.

И знаете, что? Быть героем - занятие хлопотное и неблагодарное, к тому же жизнь настоящих героев как правило весьма непродолжительна. Меня это не устраивает, а потому считайте меня идиотом. В конце концов - среда накладывает отпечаток.

Хммм...

ЗАЧЕМ?

Зачем говоришь незначительные слова в пустую трубу своего одиночества? Зачем бродишь печальный среди увлекательных развалин счастливого прошлого? Зачем пытаешься взлететь, когда большинство твоих друзей давно уже не поднимаются выше уровня резных плинтусов в прогнивших и пропахших спиртовыми испарениями квартирах? Зачем любишь отчаянно промозглый октябрьский дождь и не стремишься променять всю эту сырость на развесистые пальмы под калифорнийским солнцем? Зачем сидишь в мягком, уютном подвале, надеясь достать гениальные прозрения с пыльного чердака? Зачем покупаешь билет в один конец, зная, что кто-то ждёт твоего триумфального возвращения? Зачем даришь надежду совершенно безразличным тебе ханжам и феминисткам? Зачем ждёшь до последнего и негодуешь, когда сонный утренний автобус становится причиной твоего очередного опоздания? Зачем задаёшь свои идиотские вопросы, не думая получить более или менее

вразумительные ответы на них? Неужели не существует никаких причин? Неужели ты делаешь всё это просто, чтобы

убить отведённое тебе время прямого эфира на радиостанции под названием "жизнь"? А почему бы и нет?

КОФЕ

Я увидел своё отражение внутри кофейной чашки. Это было достаточно внезапно для столь безоблачного дня и, как мне показалось, не предвещало ничего хорошего, но я не смутился и продолжил наблюдения. Оттуда, изнутри мне злобно улыбался я. Тот я, что был с этой стороны, не остался в долгу и наградил своего двойника серией саркастических ухмылок, недоумённых пожиманий плечами и неопределённых жестов. Беззвучный, но весьма эмоциональный диалог - что тут скажешь! Мы продолжили:

- Ну и что ты задумал? Признавайся! - поинтересовался я посредством поднятия бровей и округления глаз до возможных пределов.

- Тебе-то что? - прищурился мне в ответ я, - Могу я, в конце концов, просто быть тут и ни перед кем не отчитываться за свои действия?! - щёлочки глаз стали ещё уже, отчего взгляд казался нестерпимо колючим.

- Можешь, конечно! - примирительно улыбнулся и пожал плечами я, - Это было обыкновенное любопытство.

- Хорошо, но мне не понравился твой тон, - обиженным взглядом исподлобья сказал тот я, который внутри чашки.

- И почему ты такой мнительный? - бросил я рассеянный взгляд.

- Слушай, отвали, а! - выпученные глаза, опущенные уголки губ

- Тише, тише, - обеспокоенная улыбка, бегающие глаза.

- И не надо меня затыкать, понял! - откровенно злобная гримаса.

- Эй! - вытаращился я в ответ, тоже начиная заводится.

- Чего "эй!"" Ты вообще как со мной разговариваешь?! - беззвучно заорал на меня искажённый ненавистью рот.

- А знаешь... - вдруг мгновенно успокоился я с этой стороны и слегка толкнул рукой чашку. Чёрная отражающая

поверхность покрылась рябью, превратив лицо того меня, который внутри, в лишённую человеческих признаков, постоянно меняющуюся маску.

- Какого!... - успел я изнутри послать мне снаружи обалдевший от неожиданности взгляд.

Я никак не стал объяснять свои действия. Вместо этого я просто взял чашку со стола и одним глотком выпил остывший кофе. И одним мной в этом мире стало меньше.

С НАСТУПЛЕНИЕМ СУМЕРЕК

Тьма моей темноты нечаянно ворвалась прямо в сердцевину того, что могло ещё оставаться незапятнанным. Звучание казалось вполне осязаемым, но при этом кое-какие нюансы всё же мешали. Чудаковатый наблюдатель бессмысленно взирал из-за моей спины на эволюции шариковой ручки. Это было невыносимо. В сырости удобоваримых слов находились и вполне сносные определения, что внушало некоторое подобие по-детски очаровательной надежды. Ничего не менялось. Темнота была настолько приятной, что вернуться в привычный круговорот можно было первым, вторым или даже самым главным. Как бы то ни было, я точно знал обо всех исходах. Верните мне былую славу, и мои помятые деньги, и ласковый ветерок, и разное, и ещё какие-нибудь рассуждения. Ведь было же время, когда самые нетрезвые из вас были прикованы к скамейкам и смеялись напропалую, раздевались, словно желая отдалить мгновение экзекуции. Тогда-то никто не отказывался от обещаний, и все исправно тащили свое драгоценное барахло к открытым люкам, набивая трюмы бесконечных галеонов. Мне достаточно было тогда пятнадцати сантиметров, чтобы текла слюна, стекленели глаза и учащалось дыхание. Смешно. Вот сделаю пару глотков, почувствую самую суть солнечной сердцевины разбросанных игрушек, исправлю ошибки и наугад буду нажимать на всё, что попадётся под руку. Всё, милые слюнявые девочки и нелепые улыбчивые мальчики, пора разбегаться по слепым кроваткам, бугристым коляскам и необходимым условиям. Музыку сделаем

потеше, темноту погуше, напитки разбавим
фенилфтолеином. Спокойной ночи!

ГАЗОН

В кристально прозрачном воздухе бесконечно разливался приятный октябрьский аромат метана. Разноцветные чумазы цыганки с сигаретами в нечищенных зубах выползли из потайных нор и приступили к своему привычному ежеутреннему занятию - выклянчиванию денег у нерадивых и сердобольных прохожих.

Газон под окном был до странного чист от нелепых бездомных собак: после ночных заморозков было не очень приятно валяться на покрытой инеем траве. Для четвероногих бродяг куда более привлекательными этим прохладным утром казались источающие тепло и вкусные запахи закусочные. К тому же там всегда можно было получить небольшую дозу поглаживаний и кусок горячей котлеты от какого-нибудь жалостливого забулдыги, успевшего утолить жажду похмельного утра и пребывающего в умильно-филосовском настроении. Кстати, приблизительно по тем же причинам, что и собаки, пёстрые цыганки, ещё пару месяцев назад стремившиеся расположиться на мягкой травяной подстилке, теперь старались вести свою деятельность в непосредственной близости от этих алкогольно-спасительных заведений.

Таким образом газон под моим окном был абсолютно свободен от всевозможных существ, ежедневно населявших его на протяжении жаркого лета. Весь бумажный мусор, скопившийся в траве за прошедшую ночь, ещё на рассвете был заботливо убран дворниками, а валявшиеся повсюду пивные бутылки и банки в то же время растащили местные бомжи.

Непроснувшийся я стоял у окна, курил и медитировал, глядя сквозь давно немытое стекло на почти идеальное травяное покрытие. Мысли путались в голове как провода неаккуратно установленного компьютера. Да, собственно, это и не мысли были - так, отрывки из обрывков. Не важно.

Я созерцал, растворяя свой разум в зелёном переплетении листьев и стеблей, постигая невероятные тайны, которые невозможно выразить человеческим языком. Вдруг, среди нескочаемости растительных узоров психоделично-одинакового зелёного цвета, я случайно заметил отчаянно дисгармоничную оранжевую точку. Пригляделся - это был цветок. Нечто совершенно не поддающееся классификации, не имеющее ничего общего с господствующими на газоне "канадой-грин" и клевером, - просто случайный цветок неизвестного мне растения. Нет-нет, я не удивился этому - мои познания в ботанике слишком скудны, чтобы по единственному цветку понять, что за представитель флоры растёт передо мной. Однако в этом растении было что-то странное, что-то выдававшее в нём (только не смейтесь) пришельца из иного мира. Я во все глаза уставился на случайно открывшееся мне чудо. Как же я до сих пор не замечал его присутствия? Ответ на этот вопрос оказался чрезвычайно простым и... пугающим: ещё минуту назад цветка на газоне просто не было. Я невольно отвёл взгляд в сторону, в глубине души надеясь на то, что цветок - это просто игра моего сонного воображения. Вскользь пробежал глазами по всей поверхности газона, стараясь не фиксировать внимание ни на чём конкретном и даже вскрикнул от неожиданности: цветок не только не собирался становиться мимолётной галлюцинацией - напротив, он теперь был как будто ещё более реальным, чем когда я впервые заметил его, но самое главное - он определённо увеличился в размерах! Да, я понимаю, что это покажется невероятным, но вы и сами не представляете насколько сильно я не хотел тогда верить своим глазам. Цветок стал больше. Пока я сомневался в своей вменяемости, тёр глаза, щипал себя и вообще проделывал всё то, что проделывает человек, до безумия желающий убедить себя в иллюзорности происходящего, цветок ещё немного увеличился. И ещё немного. Теперь я смотрел на него, стараясь не мигать и не отводить взгляд. Цветок рос. Я уже без особого труда мог различить розоватые прожилки на его причудливых лепестках. Вскоре невиданное растение - впрочем, я не совсем уверен в том, что его можно было причислить именно

к растениям - в нём чувствовалось что-то разумное и даже отчасти хищное, - так вот, чем бы ОНО ни было, вскоре ОНО уже стало занимать весьма значительную часть газона, и чем дольше я наблюдал за этим невероятным явлением, тем сильнее сокращалось расстояние между лепестками и краями газона, пока наконец не скрылись из виду последние, признаки зелени. ОНО продолжало расти, захватывая всё большую территорию, всё сильнее притягивая моё внимание. Странно: я совершенно не задумывался о том, видел ли ЕГО кто-нибудь кроме меня... Да это и не имело ни какого значения! Вскоре я осознал, что уже не вижу в своём окне ничего, кроме бесконечно огромных оранжевых лепестков с чудовищно-замысловатыми узорами розоватых прожилок, в которых пульсировала, излучая бешенную энергию непонятная мне форма жизни. Я чувствовал изливающуюся на меня сильнейшую агрессию, но при этом я не испытывал ни страха, ни дискомфорта, не чувствовал себя подавленным; скорее наоборот - на меня вдруг снизошло необычайное блаженство, разум мой совершенно успокоился и мысли одна за одной постепенно улетучились из моей головы. Во вселенском покое я созерцал. Вдруг пришло странное ощущение, словно то, что находилось по другую сторону моего окна прорвалось внутрь, окружило меня со всех сторон, словно закутав в непроницаемый кокон... А потом весь мир сжался в одну ничтожную точку, вспыхнул и стал оранжевым, подарив на прощание чувство полного растворения в чём-то несоизмеримо более огромном и совершенном...

...Как это всё необычно!... Такое приятное для глаз переплетение ярко-зелёных полос окружает меня, а там наверху что- огромно-голубое, излучающее свет и тепло, внушает столько радости, даёт столько сил... Предо мной - большой серый объект, испещрённый блестяще-чёрными прямоугольными дырами. Он кажется отдалённо знакомым... Смутное воспоминание... За одним из этих блестящих прямоугольников я чувствую присутствие чего-то очень важного для меня. Да-да, вот оно! Поток, устремлённый прямо в самый центр моего осознания. Ощущение чётко направленного внимания, усиленного любопытством и

удивлением. Энергия. Ах, как хорошо! Какое замечательное чувство! Что может быть лучше, чем существование с вполне ясным пониманием собственной необходимости, вовлечённости в некий древний и очень важный круговорот. Поток внимания с каждой секундой интенсивнее. Его источник, ранее лишь смутно различимый за пеленой моего неокрепшего осознания, теперь представляется мне чем-то необычайно понятным и родственно близким. ОН зовёт, притягивает, порождая неодолимое желание заключить ЕГО в свои тёплые объятия. Пусть я ещё слишком мал и недостаточно силен, но я уже чувствую, как что-то разбуженное ЕГО вниманием, что-то прекрасное и невероятное, как сама жизнь, рвётся за пределы моей оболочки, заставляя меня становиться сильнее, ярче, красивее... И больше.

39,4

Голова тяжелеет. Держать её ровно стоит нечеловеческих усилий. Так и уронил бы её, закрыл глаза, растёкся горячей жирной лужицей по гранитному полу и перестал быть человеком. Ощущение вязкого тумана. Нечем дышать. Одежда прилипла ко всему. Я не имею права покидать эту вселенную, пока не прояснятся все обстоятельства. Шары, шары - повсюду разноцветные сверкающие шары, какая-то бахрома свисает, и растения прорастают сквозь полированную плоскость моего стола. Батареи источают немыслимое тепло, лицо становится круглым и неприятным на ощупь. Я не хотел бы двигаться, говорить слова и даже пить. Шары становятся первоначальными голубями изуродованных скамеек, беспокойно хлопают крыльями и бормочут что-то невразумительно совершенное. Можно прислушаться и мгновенно постичь развращённость тёмно-синих журналов. Там есть всё: и одиннадцать обнажённых карлиц, и комочки ртути, и фрустрирующие лебеди над оранжевой горой, и необходимый в таких случаях изрядно потрепанный билет на поезд. Небольшое путешествие на юг никому не принесёт достаточных осложнений. Теперь уже не

принесёт - первое правило взаимоисключения так и не было открыто. Мы как обычно начали с середины. Висящие нити помогают увидеть всё, что было вначале, но кто поможет понять смысл увиденного? Голова! Моя бедная тяжёлая голова! Не могу вытащить из неё ничего осмысленного. Всё видимое кружится перед глазами: отражения, силуэты, следы, мёртвые крысы из сказок. Когда звонит телефон, я вдруг чувствую себя самым несчастным в этом влажном углу. А в это время за окном медленно и неуверенно падает запоздалый снег.

ГОРОДСКАЯ СВАЛКА

Пронырливые грузовики встречаются в самых неожиданных местах. Бледные сжиженные водители никогда не стремятся попасть в настоящий поток, а просто лежат себе на пыльных газонах и поджидают нерадивых енотов, стреляя камнями глаз по сторонам. Их работа уже давно сделана другими, и ржавое месиво кабин, карданов и сомнений зарастает постепенно щупальцами великолепных червей - никому нет до этого дела. Ты можешь разбежаться и прыгнуть на самую верхушку, можешь невзначай попытаться проползти под грозно нависающими пустотами бензобаков, можешь даже стоять полуприсядя, раскрыв половину рта, высунув до предела лучшие свои побуждения, - те мертвецы, которых ты видел, не будут против. Главное - это полнота твоего спокойствия в свирепо приближающихся лучших временах. Скорее всего именно в этом залог приблизительного выживания. Все понимают, что надо уезжать отсюда как можно скорее, пока наши матери заняты религиозными дискуссиями, но разве есть какое-нибудь достаточное средство? Мы ложимся рядом с флегматичными водителями пронырливых грузовиков, мы принимаем их образ жизни. Полностью. Разумеется, когда-нибудь все газы выйдут на поверхность, и мир начнётся заново. Всегда есть вероятность услышать слова, которых никто и никогда не произносил - и что? Оборачиваешься, глядишь сквозь стёкла и опять натыкаешься на своё отражение в самых прекрасных глазах.

Тут уж не до ритмических упражнений - только и остаётся, что лежать, превращаясь в гнилую мешковину, да пугать зарождающееся общество тихими вздохами. Ну, ладно, мы всё равно будем здесь, сколько бы ты ни пилился на невнятную стальную гору, неудержимо проявляющуюся где-то чуть западнее. И никакие проспекты здесь непричём. Надо всё-таки уметь складывать элементарные единицы. Так можно вполне сносно усложнить себе жизнь, - а лучше этого на самом деле и быть ничего не может. Ну, разве что скоростные путешествия в нулевом измерении. На пронырливых грузовиках.

ЖАЛЮЗИ

Ежедневная картинка: жалюзи забавно кромсают мир на аккуратные длинные лоскуты. Я уже отвык видеть происходящее целым и невредимым. Пялюсь с утра до вечера в прямоугольник окна. Бывает, от неправильности изображения подташнивает. Так, самую малость. Кстати, обратная перистальтика меня и не напрягает вовсе. Настроившись должным образом, тошноту можно даже расценивать, как некое развлечение. Это очень важно. Сидеть тут, в любом случае, большой подвиг. А если ни на что не отвлекаться... Настоящая пытка! Входящее человечество чудовищно дышит на меня, задаёт свои неадекватные вопросы, лезет щупальцами глаз в ту часть моей души, где я прячу от посторонних такие чувства, как жалость и сострадание. От всего этого хочется убежать куда-нибудь - чем дальше, тем лучше, - но я не двигаюсь с места. Пытаюсь убедить себя в том, что мне просто лень, а на самом деле - я парализован страхом. Дело не только в том, что я боюсь собственно людей и тех неприятностей, которые они могут причинить лично мне. Всё немного сложнее. Я понастроил вокруг себя много всяких оборонительных сооружений и какое-то время чувствовал себя надёжно защищённым от нежелательного вторжения. Однако вскоре стало очевидно, что моё одиночество, моя мизантропия, - конструкции хрупкие и ненадёжные. Тогда я подумал: "Вот

вдруг возьмут и рухнут все бастионы, которыми я отгородился от назойливого общества себе подобных (имеется ввиду подобие в самом широком смысле). И что тогда?" Ответ на этот вопрос нашёлся как-то очень быстро и мне не понравился. Ничего ведь не останется, кроме как полюбить людей! А там, значит, надо будет, выходя каждый раз на улицу, распластывать улыбку по всей ширине лица и излучать добродушие... Я посмотрел в окно. Газон с копошащимися на нём голубями, тротуары, дома и всё остальное по прежнему были аккуратно порезаны на длинные полосы. "Вот тебе!" - мысленно крикнул я миру. Мир ничего не смог ответить.

МЕНЯ НЕ СЛОМАТЬ

Большие и не очень автобусы, легковые автомобили всевозможных разновидностей, грузовики и прочие транспортные средства, разбрызгивая мутную воду луж на зазевавшихся прохожих, мчатся по улицам. Не очень приятно быть пешеходом в этом городе. Впрочем, не быть пешеходом здесь тоже нелегко. Всем достаётся.

Медленно - контролируя каждый шаг, - я двигаюсь по давно и досконально изученному маршруту. Голые ветви деревьев беспорядочной паутиной вырисовываются на фоне хмурого декабрьского неба - весьма депрессивная картинка, как ни крути. Многоэтажные жилые дома, административные здания, какие-то чудовищные бетонные заборы, сине-оранжевая бензоколонка... Каждый раз на фоне этих декораций у меня возникает одна и та же мысль: "Вам меня не сломать! Вам меня не сломать!!!" Непонятно, кому я пытаюсь адресовать это заклинание, но по видимому оно действует: несмотря ни на что, я пока держусь. Или мне так кажется?

Ежевечерние пивные возлияния помогают ненадолго почувствовать себя... Счастливым? Пожалуй, да! Ваше здоровье! Может быть, я нашёл подходящий способ. Хотя,

если уж быть до конца честным, то я предпочёл бы не жрать литрами лагер, эль и прочие пивные разновидности, - куда забавнее и эффективнее старый добрый Jonny Walker или White Horse на худой конец. Коньяк тоже неплох. Ром? Нормально! Водка? Пойдёт, если нет ничего поинтереснее... Но вискарь всё равно лучше. Да, лучше, но пью я пиво. Дёшево и сердито. Как правило, засиживаюсь со своей любимой двухпинтовой кружкой сильно за полночь - так уж получается, - а наутро бреду отяжелевший и отёкший на работу и развлекаю себя постоянным прокручиванием в голове мысли о том, что меня им не сломать. А как меня сломаешь, если я и внешне, и в душе подобен большому винному (в моём случае - пивному) бурдюку? Меня можно помять, можно опустошить, можно облить грязью, но сломать - не стоит и пытаться! Я всё равно приму исходную форму... Ну, или бесформенность, что даже лучше. Автомобили всех разновидностей по прежнему льют воду из луж на тротуары и на сонных пешеходов. Голые ветви, серое небо, убогие громадины жилых многоэтажек, чудовищные заборы остаются на своих местах, как и всё остальное в этом городе. Я двигаюсь к своей цели - медленно и упрямо, словно бесформенный дреднот. И упрямые птицы, срываясь с мокрых проводов, пикируют к моим карманам, набитым семенами подсолнечника. И невообразимые собаки философски разглядывают пёстрое содержимое раскуроченных урн. И расплывчатые политики сквозят из чёрных лимузинов и телевизионных экранов. И жадные черви ползут глубоко под землёй к трупам моих собратьев. И печальные крысы устраивают митинги в тёплых и сырых подвалах. И тщательно упакованные осьминоги стекают по кирпичным стенам в прохладу придорожных сугробов. Всё правильно - им меня не сломать! Я останавливаюсь на секунду, прикуриваю сигарету, делаю глубокую затяжку, улыбаюсь и иду себе дальше.

ВЗРЫВ

Мозгам теперь ничего не стоило просто взять и взорваться. Уставшие от бесцельного прозябания внутри черепной коробки, они давно уже стремились проявить себя не через прочие органы, а вот так, непосредственно. Конечно, им вполне хватило смекалки, чтобы с той самой минуты, когда их впервые стали посещать подобные идеи, начать накапливать энергию - сначала совсем небольшими порциями. Надо заметить, что удавалось это далеко не всегда легко и непринуждённо, но постепенно, по мере накопления опыта, количество сохраняемой ежедневно энергии стало лавинообразно возрастать.

И вот теперь, как показалось мозгам, настал тот самый день - день, когда никакая сила уже не удержит грядущий взрыв. Осталось лишь напрячься в последний раз, и долгожданная свобода откроет свои тёплые объятия...

Ещё немного...

Вот-вот, сейчас...

Сейчас случится...

Ещё секунда...

Ииии...

...ТТТРРРАААХХХ!!!...

Нелепо-печальные кровавые осколки черепа, грязь, яркая вспышка света...

Бесконечная чёрная пустота...

НЕСКОЛЬКО СМЕШНЫХ ЧАСОВ

Безумие мчалось неосознаваемым ветром по заснеженному городу. Люди выносили свою прекрасную грязь прямо на улицы, на всеобщее обозрение. Кто-то ещё пытался совладать со всевозможными страхами - это вызывало улыбку. Злорадный оскал параноика, находящегося на самой грани. Ожидание вымотало последние нервы у всех - даже у бродячих собак и подвальных крыс. С этим нужно было что-то делать - срочно! И никто не знал, что именно можно с этим сделать. Время текло медленнее обычного. К такому

повороту событий надо было бы привыкнуть - за столько-то лет! - но как-то не хотелось.

Чудеса несомненно будут. В конце концов о них столько говорилось из замызганных радиоприёмников и с назойливых телеэкранов. Приходилось верить, даже совершенно не желая этого. Впрочем, кое-кто уже приобщился и ощутил собственной шкурой, но они спали глубоким коматозным сном, и неожиданный снег засыпал их, превращая в белые холмики причудливой формы. Может быть, мы их ещё услышим, попытаемся расшифровать невнятные сказки, срывающиеся с посиневших непослушных губ. Было бы чрезвычайно интересно. Только не в этот день. Дополнительные трудности вполне могли послужить мощнейшим катализатором. Слишком уж серьёзным было напряжение. Слишком ужстремительно и безоговорочно мчалось безумие по улицам.

На каждом лице застыло выражение томительного предчувствия. Оставалось всего несколько смешных часовотчаянной суеты. И никто не улыбался. Наверное, самые искренне-лучезарные улыбки были припасены до того момента, когда вполне легально вспыхнут огни, раздадутся выстрелы и польётся рекой игристое вино, смешанное с соком растерзанных мандаринов. Может и так. Трудно было сказать наверняка, чем закончится этот насыщенный яростным ожиданием день. Трудно было понять со всей ясностью, куда стремится этот пронизанный таинственным кружением предновогодних снежинок город. Чудеса? Да, пожалуй, что-то такое будет...

ГОРМОНАЛЬНАЯ ТУРБУЛЕНТНОСТЬ

Розовые дыры открылись, и мне наконец-то стало более или менее комфортно. Многое уже было синхронизированно - оставалось только дышать и двигаться. Ничего сложного.

Раз за разом, проникаясь бугристыми нелепостями и равномерными прелестями, я чувствовал тотальную разобщённость. Порой приходило сомнительное ощущение приближения к таинственному кататоническому апогею, но

стоило лишь принять немного газа из пятилитрового баллона, как сиюминутность окровавленной слизи начинала сочиться сквозь периодически дезинтегрируемые отверстия изжелта-белых протуберанцев. Невероятные по своей силе ароматы коитуально-терминальных испарений всегда впечатляли меня больше, чем хирургические ножницы, устремлённые к бессовестно обнажённой промежности. Конечно, я с предельной ясностью осознавал всю безрезультатность моих попыток сберечь индифферентность центростремительных социальных систем по отношению к моей персоне.

Иногда я останавливался прямо посреди очаровательных развоплощений, оглядывался и начинал извергать патологические аксиомы солипсизма в первый же попавшийся антропоморфный сосуд. Видимо из-за моей эгоцентричности мало кто соглашался проникнуться наиболее прогрессивными способами постулирования истин через призму упорядоченной порнографии. Даже акционеры перманентно открытых обществ и супервайзеры наиболее перспективных корпоративных отверстий - даже они растворялись в притворном психопатическом возбуждении. Не скрою, был момент, когда я совершенно отчаялся. Тогда многое представлялось мне излишне рациональным и сформулированным. Впрочем я и сейчас ещё не могу провести необходимые касательные к перцептивным синусоидам моих оппонентов. Правда кое-что всё-таки стало более доступным для восприятия. Теперь уже можно просто следовать выбранному заблаговременно маршруту между приоритетными точками пространства - гомофилические отщепенцы не обращают внимания на хаотичные перемещения очередного квазимистически интравертированного вагинального спелеолога. Ну, так хотя бы никто не мешает.

Вполне понятно теперь, почему внезапное гормонально-алкогольное открытие наиболее пластичных промежутков и заполненностей так сильно повлияло на моё экзистенциальное супер-эго. Под воздействием всех этих трансцендентно-ректальных суппозиторий даже самые яркие манифестации печальной Деметры оказались чем-то не

вполне достаточным для негативной саморефлексии. В конце-то концов, ведь гнусный зимоподобный март уже приготовился сделать прощальный тантрический реверанс. Глупо и невежественно было бы омрачать начинающийся маскарад неуместным аскетизмом. Всё! Лично я радостно капитулирую и выхожу на резонансную частоту. И вот ещё что: может быть найдутся среди присутствующих эксцентричные эгоисты, готовые присоединиться к очередным сезонным вакханалиям? В любом случае, свободные места ещё остались.

ДРУГОЙ ЧЕЛОВЕК

Я привык видеть мир сквозь мутное стекло непроходящего опьянения. Банка тёмного пива - иллюзия защищённости. Вряд ли сегодня мне это поможет. Несмотря на уже выпитые пару литров, меня не покидает гадкое предчувствие. Холодно и как-то... Ну, грустно, что ли.

Пара сотен шагов - досконально изученный путь в мою захламлённую нору. Иду, низко наклонив голову, уткнувшись в собственные невесёлые мысли. Чтобы добраться до дома, мне надо свернуть с ярко освещённого и людного проспекта на одну из прилегающих улиц. Если бы не выпавший накануне снег, едва ли можно было бы разглядеть здесь хоть что-нибудь. Впрочем, разглядывать-то и нечего: с обеих сторон тянутся бетонные заборы да глухие кирпичные стены гаражей. Вообще, в качестве широкой проезжей улицы эта тропинка, протоптанная в сугробах фигурирует только на официальных картах города. На самом деле тут не то что на автомобиле - тут и пешком-то передвигаться можно не всегда. И я не стал бы ходить здесь, если бы имелся более короткий путь до моего дома.

Внезапно понимаю, что я здесь не один. Шаги за спиной. Привычное чувство страха. Глупо в самом-то деле! Кто сможет причинить мне больше вреда, чем я сам? Сложно даже представить себе такого монстра! Конечно, меня, например, можно ещё убить, но так ли это плохо? Нет! Это больше будет похоже на (простите за банальность)

избавление от страданий. Весьма даже благое деяние! Я улыбаюсь. Нет, страх никуда не уходит, просто он становится смешным.

Шаги. Всё-таки кто-то настойчиво преследует меня. Обернуться бы и посмотреть... Впрочем, не стоит наверное. Поднимаю голову, пытаюсь определить расстояние до ближайшего горящего фонаря. Ещё одно бессмысленное действие: фонарей здесь нет и никогда не было. Мой взгляд упирается в спину прохожего - чёрная фигура на фоне свежего снега. Забавно! Я был настолько погружен в свои размышления, что не смог точно определить, с какой стороны раздаются шаги - впереди или сзади. Ладно, бывает. Сейчас приведу все сигналы в порядок. Прислушиваюсь. Ничего кроме звука моих собственных шагов. Несмешные шутки перцептивного аппарата. Но ведь я же чувствовал, что кто-то идёт за мной. Да и сейчас это ощущение никуда не делось. Диким усилием заставляю себя собраться. Это ничего не меняет: человеческая фигура впереди и ощущение преследования продолжают расшатывать мои нетрезвые нервы. Раздвоенное восприятие.

От таких несоответствий становится совсем уж тоскливо. К тому же я вместо того, чтобы свернуть в проулок, ведущий к моей десятиэтажке, пошёл дальше, углубился в какие-то мрачные хозяйственные постройки и в итоге, видимо заблудился. По крайней мере найти хоть что-нибудь знакомое в окружающей местности я не могу. Невероятно! И когда я всё это успел?! Однако, самое странное не в том, что я так быстро потерялся во вполне изученном мной районе. Тут ещё можно как-то выпутаться. А вот фигура прохожего впереди, ощущение преследования... Что же мне делать? Ведь что-то же надо делать!..

Ах, да, есть ещё пиво! Не спасёт оно, но и хуже скорее всего не будет от пары глотков. Непослушными замёрзшими пальцами открываю банку и одним движением вливаю в себя чуть не половину. Сейчас мне уже нет никакого дела до холода, до перспективы застудить горло и уж тем более до каких-то запретов на распитие алкоголя в общественных местах. Если уж на то пошло, я был бы рад сейчас столкнуться с полицейским патрулём. По крайней мере, это

была бы более-менее надёжная связь с реальностью. Впрочем, тут скорее встретишь пришельца, или там вурдалака какого-нибудь, или привидение...Зомби... А, чёрт! Иррациональный страх скотчем липнет к позвоночнику. Делаю ещё два больших глотка, сминаю ни в чём неповинную банку и швыряю её в ближайший сугроб. Так. Ну и что дальше? Прохожий впереди меня идёт себе, как ни в чём не бывало. Я иду за ним... Стоп! А почему, собственно, я не могу пойти в противоположную сторону? Зажмурившись на всякий случай я останавливаюсь. Резкий разворот на 180 градусов, несколько неуверенных шагов. Чёрт, что-то не так! Открываю глаза и вижу всё ту же фигуру впереди. Но как такое могло произойти!? Я не понимаю! Он ведь не мог так быстро и незаметно прошмыгнуть мимо меня?.. Я почти уверен, что не мог - слишком уж тут тесно! И ещё: чёрная фигура впереди теперь кажется мне очень знакомой, но я никак не могу вспомнить, где я мог видеть этого человека. Впрочем... Рост, ширина плеч, походка, осанка... Да ведь это же я! Тут, пожалуй, не может быть никаких сомнений. Очень жаль...

Паника, которой до сих пор я старался не поддаваться, теперь полностью овладевает мной. Уже совершенно не отдавая себе отчёт в собственных действиях, я бросаюсь вперёд так быстро, как только могу. Чтобы не споткнуться, мне приходится постоянно смотреть под ноги. Может так и лучше. Вперёд, вперёд - стучит в моей голове, - быстрее, ещё быстрее...

Когда я наконец решился посмотреть по сторонам и поднял голову, меня буквально ослепил яркий свет фонарей, усиленный пронзительно белым снегом. От неожиданности я споткнулся, кубарем полетел под ноги прохожим и в итоге нелепо уселся прямо посреди тротуара. К счастью самообладание вернулось ко мне достаточно быстро. Я огляделся. Ну да, это тот самый проспект, с которого я свернул, чтобы сократить путь. Теперь, после такого моего приключения, разумеется, ни о какой короткой дороге не могло быть и речи. Ха! Да, вспоминая обо всех этих галлюцинациях, я долго ещё буду держаться подальше от подобных глухих мест! Ладно. Ну а сейчас лучше бы взять

ещё банку-другую пива и прогуляться по освещённой улице. Пусть и придётся сделать приличный крюк.

В конце концов, не помешает немного подышать воздухом и восстановить чуть было не рухнувшую связь с окружающей действительностью. По крайней мере, даже если моё видение и повторится, здесь, в толпе, меня оно вряд ли напугает... Я его просто не замечу — не важно, кто это будет: мой двойник или призрак Эдгара По. Толпа не даст выбиться из привычного ритма, скроет от глаз ненужную информацию, заглушит чужеродные звуки гулом своих голосов. Толпа даст чувство безоговорочной защищённости, окружив тебя коконом безразличия. Спасение. Я поспешно встал и, глупо улыбаясь, пошёл в сторону ближайшего супермаркета.

ЧЕМОДАН

Происходящее не укладывается в тесное нутро моего привычного восприятия. Давно - с прошлого века ещё! Пихаешь, протискаиваешь, засовываешь с упёртостью отчаявшегося насекомого - не лезет! Коряво и шероховато всё, хоть и вполне объяснимо. По крайней мере, случались шутки и погрустнее. Но ведь и не до размышлений тогда было - не то что теперь! Вон, посмотрите-ка: льётся с заковыристого неба что-то, едва отличимое от вздыбленного апрельским безобразием асфальта. Бугрятся невообразимые постройки. Ползают вожделенные железяки. Жизнь-то по правилам происходит вроде бы, а всё равно неприятно. Но хуже всего другое: молодое человечество бродит толпами по дорожкам, - как будто поодиночке нельзя, как будто опасность подстерегает... Убийцы вялотекущего времени. Яйценосные, тупорылые страдалцы во имя наивной безыдейности! Наводняют недоразвитой суетливостью и без того уродливые улицы, или вот даже вторгаются порой в мою преисподенку, в мой скромный адочек. Ну конечно, им-то можно, они-то из тех кто всегда прав, как гласит неписанный, но общепринятый в сфере обслуживания закон. Сидишь тихонько, смотришь, как с неба текут серые сопли, и тут они: шумно и перегарно говорят обидные слова, топают

грязью по вымытым полам, глядят в упор затуманенными глазами, - производят впечатление в общем! И что прикажете делать, а? Встать великой башней над безалаберным миром и крушить головы обидчиков меткими попаданиями ледоруба? Лечь пузом в развесёлую грязь и с лютым подбострастием облизывать подошвы их говнодавов? Смешно же в самом-то деле! Как ни изворачивайся, всё равно никто не оценит по достоинству, а то ещё и зарежут в тёмном переулке. Дети плакать будут, жена обругает внезапный труп злыми безжалостными эпитетами. И много ли с этого выйдет толку? Да ни на грош! А раз так - то не стоит и рыпаться... Вот чёрт! Что ж делать-то со всеми этими фрустрациями? Как и, самое главное, что сублимировать, чтобы продержаться. Неизвестно. Нет, никто и не обещал, что будет легко, что вот взял, да и запихал окружающую действительность в свой чемодан. Тут надо как следует попотеть, да и то - не факт вовсе, что результат будет удовлетворительным. Но деваться некуда. Чтоб никто из этих недорослей ничего не заподозрил, приходится сидеть сиднем, словно и нет меня, или сплю я, или просто не моё дело. Главное - вида не подавать. Притворюсь для разнообразия большой деревянной игрушкой - глядишь, они и не заметят. А я тем временем дождусь вечера, выпью водочки в ближайшей забегаловке, выйду на офонарённую улицу и полюблю человечество. Ну, хотя бы до утра.

ЦЕЛЬ

До репетиции оставалось чуть больше двух часов – слишком мало для того, чтобы ехать домой и слишком много, чтобы бродить по пронизанному ноябрьской хмурию городу. Эти мудаки из банка заблокировали мой счёт – всё из-за просроченных платежей по кредиту. Как, интересно, я должен с ними расплачиваться, если они не отдадут мне мои сраные честно заработанные денежки? Грустно. В кошельке около полутора сотен – хватит только на то, чтобы заглянуть в какой-нибудь дешёвый бар и выпить пару стаканчиков чего бы то ни было. Я был одинок и основательно задрочен

окружающей бессмысленностью. Люди сновали мимо меня с таким видом, будто точно знали правила игры. Безумие ноябрьского вечера. Безумие всех вечеров. Безумие навсегда. Я присел на холодную лавочку. Неподалёку, на такой же скамейке, сидела парочка влюблённых. Я взглянул на них и попытался позавидовать — ничего. Ладно. Ощувив потребность поделиться с кем-нибудь своей меланхолией, я позвонил жене.

- Алло.

- Привет.

- Привет.

- Чем занимаешься?

- Рыбу готовлю.

- Мне грустно!

- Почему?

- Счёт заблокировали, денег мало, холодно и до репетиции ещё долго. Не знаю, куда себя деть.

- Ну, езжай домой.

- А смысл? Приехать, посидеть полчаса и обратно?

- Ну да.

- Не знаю. Посмотрим. Сейчас зайду, выпью стаканчик вина, а там — видно будет...

- Понятно.

- Ладно, я тебе позвоню.

- Давай!

- Пока.

- Пока.

Я посидел ещё немного и потопал в бар. За стакан креплёного белого пришлось отдать половину имевшейся у меня наличности. Сидя за стойкой и поглощая вино, я прислушивался к душераздирающим звукам русского шансона и к своему настроению. Как ни странно, с каждым глотком мне становилось лучше. В конце концов я достал мобильник и набрал сообщение: «Приеду — хоть схожу, пива тебе куплю». Потом я быстренько прикончил остатки своего напитка и отправился на остановку.

«ГАЗель» заполнилась как раз передо мной. Я уже приготовился ждать следующую, как дверь открылась, и какой-то суровый мужик обрадовал меня, объявив, что есть

ещё одно место. Я заглянул внутрь – да, одно сиденье оказалось свободным, но нет ничего удивительного в том, что я его не заметил: добраться до него было почти нереально. Из-за обилия тёплой одежды люди занимали места чуть не вдвое больше обыкновенного. В другой раз я бы и не пытался поместиться в этой консервной банке, но теперь я спешил. Теперь я придумал себе применение на эти бестолковые два часа. Я вздохнул и полез в салон, матерясь и извиняясь за отдавленные ноги. Наконец, приземлившись – частично на сиденье, частично на какого-то небритого чувака, - я принялся соображать, куда положил кошелек. Разумеется, он оказался в самом труднодоступном месте – в заднем кармане джинсов. Делать нечего: я немного повозился, пихая ни в чём не повинных граждан, и выудил-таки хранилище моих скромных финансов. Передав деньги за проезд, я надвинул на глаза шляпу, закутался в шарф и сделал вид, что меня здесь нет.

Мне было почти хорошо. По крайней мере, от недавней неопределённости не осталось и следа – я точно знал, что делать дальше. Пусть в этих действиях было не больше смысла, чем в тупом шатании по вечернему городу или в не менее тупом торчании за барной стойкой, но у меня была цель – всё, чего я, собственно, и хотел.

Поездка прошла как обычно: почти комфортно и достаточно быстро. Я вышел на своей остановке и направился в ближайший продуктовый магазин, в надежде уломать продавщицу продать мне немного алкоголя в кредит. Это было бы весьма неплохо – иначе мне придётся идти домой за деньгами, возвращаться за пивом, а потом снова идти домой. Слишком долго – до репетиции оставалось уже чуть больше часа. Как назло за прилавком стояла старая синюха, которая, как я знал, никому ничего не давала в долг. Ни при каких условиях. Я решил попытаться.

- Извините, у меня к вам огромная просьба: запишите на меня...

- Нет, я ни на кого не записываю!

- Буквально на полчаса!

- Нет! Мне завтра смену сдавать!

- Полчаса! Пожалуйста!

- Нет!

- Ох, бля! Ладно.

Вот же старая крыса! Конечно, у тебя возникнут проблемы с пересдачей, если будешь и дальше каждый раз напиваться за прилавком, сволочь! Но мне надо было поторапливаться. Понятное дело: я сбежал домой, взял у жены денег, вернулся за пивом, потом опять побежал домой, - этими метаниями я вполне успешно убил минут двадцать. До репетиции оставалось сорок пять. Минут, разумеется. Ни о каких проблемах я уже не вспоминал. Наскоро поужинав, я схватил сумку и помчался на остановку. По пути мне пришлось ещё раз заглянуть в магазин, чтобы купить бутылочку в дорогу – а то как же!

На этот раз с маршруткой мне повезло намного больше – подъехал полупустой «Рено» (или может быть «Мерседес» - не важно). Я без лишних напрягов разместился на одинарном сиденье у окошка, расплатился за проезд, напялил наушники и включил плеер. Водитель явно никуда не спешил – рассчитывая видимо на то, что чем медленнее он будет ехать, тем больше желающих соберётся на остановках. Наверное так оно и было. В конце концов, водителю виднее, и его нельзя винить – каждый пытается урвать при возможности кусочек пожирнее. Мы ползли по разбитым ночным улочкам окраины самого безнадёжного города на планете. На остановках – то есть почти у каждого столба, - мы задерживались минимум на пару минут. Я был уверен, что опоздаю, но поделаться с этим ничего уже не мог. Оставалось только потихоньку потягивать пиво, да наслаждаться музыкой. Нормально.

Довольно скоро мы выбрались из лабиринта грязных окраинных переулков на широченный проспект. Общественного транспорта здесь было много, и народ на остановках не проявлял к нашей маршрутке никакого интереса. Разабравшись в ситуации водитель погнал так быстро, словно хотел поскорее покончить со всем этим. Мы летели, разывая холодный воздух, и километры мокрого асфальта текли под наши обезумевшие колёса. Автобусы, троллейбусы и прочий транспортный хлам оставались позади. Движок отчаянно рычал, подвеска, рассчитанная на

более ровные европейские дороги, безумно гроыхала, нас заносило на поворотах и пару раз мы чудом избежали столкновения, - в общем, всё входило в норму. Пылающая фонарями ночь лилась в салон микроавтобуса, пиво беспрепятственно текло в мой желудок, расхлябанные и разнузданные блюзовые ритмы воодушеляюще звенели в мозгах. В какой-то момент я со всей ясностью осознал, что наша поездка вполне может оказаться последней – для меня, для пассажиров, для водителя, для невинных обезьянок, для всех печальных клоунов, для этой планеты, для этой вселенной. Наконец-то в происходящем появился достаточно ощутимый смысл. Все напряжения последних двух часов совершенно потеряли актуальность, будущее не имело никакого значения, оставался только настоящий момент – здесь и сейчас. Я уселся поудобнее, прикрыл глаза и позволил своему телу наполниться ощущением скорости и опасности, звуками музыки... ну, и пивом, конечно. До репетиции оставалось минут пять. Я успевал. А если и нет, меня это уже не беспокоило.

ЛИСТ

Опираясь на едва различимые струны лёгкого ветерка, в нескольких метрах над землёй висел бурый лист Самого Обыкновенного Дерева. Все его помыслы, все самые невероятные мечты казались теперь вполне осуществимыми. Настолько осуществимыми, что любая спешка теряла смысл. Он и не спешил. Просто висел себе, слегка покачиваясь, и размышлял об открывшихся вдруг перспективах.

Да, тут было о чём подумать! Можно было, например спуститься вниз и прикоснуться наконец к той твёрдой и надёжной поверхности, которую он целое лето созерцал с высоты своего дерева. Почему-то эта мысль не очень нравилась бурому листу. Ну, допустим, прикоснётся он, а дальше что? Сможет ли он подняться снова? Не факт. А вдруг там, внизу, будет не так уж и хорошо - ведь лист привык к высоте? К тому же, кто знает, ведь те, кто

перемещаются по этой поверхности, могут оказаться вовсе не таким безобидными, какими виделись сверху. Нет, вниз он спустится только если не останется больше никаких вариантов.

Или вот, например, можно было сорваться в дальнейшее путешествие, подставляя спину любому достаточно сильному ветру, перемещаясь с одного восходящего потока на другой. При определённом умении такой полёт можно было бы продолжать довольно долго. Заманчивая перспектива, но и тут имелись некоторые не очень приятные нюансы. Во-первых, пришлось бы постоянно быть начеку, чтобы поймать ветер нужного направления. Личный опыт подсказывал бурому листу, что ветер не всегда дует туда, куда надо. В общем, этот вариант лучше первого, но всё равно так себе.

Можно было путешествовать на каком-нибудь из двигавшихся вниз объектов и выяснить наконец, куда и зачем они перемещаются изо дня в день. Это было настолько же интересно, насколько опасно. И уж тем более абсолютно непредсказуемо! Кто знает, будут ли они рады такому непрошенному пассажиру?

Ну, ещё были мысли вернуться обратно на дерево и провести там остаток своей жизни. Забыть о всех упущенных возможностях и наслаждаться привычной обстановкой, - неплохо, конечно, только вот примет ли его обратно дерево? Бурый лист был совсем не уверен в этом.

И чем дольше он размышлял о перспективах, тем более неуверенно он себя чувствовал. В конце концов от первоначальной эйфории не осталось и следа. Едва заметный ровный ветерок, служивший опорой листу, теперь стал дуть намного сильнее и порывистее. К тому же начал накрапывать дождь, и его тяжёлые капли словно нарочно старались задеть сильнее лист, намочить его и в конце концов заставить спуститься вниз. Надо было что-то решать - чем быстрее, тем лучше!

Вдруг одна наиболее увесистая капля с такой силой ударила лист, что он сложился пополам. Не желая легко сдаваться, он распрямился было, но следующая капля снова заставила его сложиться. Он распрямился опять. В этом движении было

что-то очень понравившееся бурому листу. Он попробовал самостоятельно сложиться и выпрямиться, - получилось. Тогда лист несколько раз подряд проделал это упражнение и почувствовал, что двигается. Он стал сгибаться и распрямляться без остановок с максимально возможной скоростью и... Полетел. Чтобы привыкнуть к своим новым способностям, лист взлетел повыше, описал в воздухе небольшой круг, потом ещё один - побольше, - затем завис на мгновение на одном месте и вдруг рванул вперёд, стремительно наращивая скорость.

На тротуаре около большого дерева стояло несколько прохожих. Раскрыв от удивления рты и не обращая внимания на холодный ноябрьский дождь, люди смотрели вверх и упорно отказывались верить своим глазам. Какая-то непонятно откуда взявшаяся сумасшедшая бабочка бурого цвета сделала пару кругов в воздухе, остановилась, как бы прикидывая, в каком направлении двигаться дальше и на совершенно невероятной скорости полетела на юг. Буквально через секунду от неё осталась только почти неразличимая на фоне серого неба точка, а ещё через миг пропала и она, но люди ещё долго стояли около дерева и удивлённо смотрели в грустную свинцовую даль.

ДОСТАТОЧНО, ЧТОБЫ ПОНЯТЬ

1

Сознание возвращалось. Непонятные образы возникали вокруг, врывались стремительно в мой разум и оставались там, постепенно формируя картину окружающего... Чего? Поди тут разберись! У меня появилась мысль найти кого-нибудь и спросить... А кого найти? И что спросить? Я, например, точно знал, что существую: как-то отдельно от окружающего и в то же время – непосредственно в нём. То есть я был сам по себе, являясь одновременно частью чего-то. На этом мои познания заканчивались. Маловато – ничего не скажешь.

Ну да ладно. Всё же я решил попытаться найти кого-нибудь похожего на меня. Надо было только понять всё-таки, кто же я такой. Я начал исследовать то, что считал мной. Вот тут были руки; тут – ноги; тут – голова. Всё это было приделано к туловищу. А как же называется всё это вместе? Я помнил, что слово, обозначающее меня было древним и как-то связанным с головой. Может быть «лобоглаз»? Нет, как-то иначе... Че... Ах, да! Человек! Я – человек! Прекрасно! Осталось только найти ещё каких-нибудь человек и узнать у них всё остальное об окружающем... А, разберёмся потом! Чтобы кого-то где-то найти, надо было, как мне показалось, определить, где же я нахожусь – разобраться в обстановке то есть. Я огляделся. Вокруг, сколько можно было видеть, простиралась какая-то жёлто-коричневая... ну, поверхность, что ли. Или, может быть, плоскость. Всю эту плоскость от края до края пересекала прямая полоса тёмно серого цвета, шириной где-то в три моих роста.

Я обнаружил себя стоящим прямо посередине этой полосы. Из голубой высоты яростно светил безумно горячий белый шар. Прошло немного времени, и я почувствовал, как что-то неприятно-мокрое струится по всему моему телу. Кажется, это называлось «пот». Хуже всего стало, когда пот начал стекать со лба и попадать в глаза – от этого их сильно щипало. Вскоре я уже едва мог различить хоть что-нибудь – всё расплывалось в какие-то невнятные пятна. Кроме того, от ужасной жары мне стало плохо: голова закружилась, подкосились ноги, живот скрутило мощными спазмами. Я застонал и повалился на бок. Мне показалось, что вот ещё чуть-чуть и я изжарюсь тут заживо – настолько горячей была поверхность серой полосы. Впрочем, я не изжарился. Я просто лежал на раскалённой поверхности – слишком слабый, чтобы подняться или хотя бы подумать об этом.

Вдруг, среди всеобщей тишины я различил далёкий, но стремительно приближающийся звук – что-то вроде тихого рычания. Немного погодя, я понял, что звук приближается ко мне с двух сторон и, видимо, перемещается строго по тёмно-серой полосе, на которой я лежал. Меня посетила смутная надежда на то, что звук – а точнее, его источник, - принесёт мне спасение. Но уже через пару мгновений надежда

сменилась паническим ужасом. В приближающемся звуке слышалась безоговорочная смертельная угроза. Собрав все имеющиеся силы, я кое-как приподнялся на локте и сел, обливаясь потом. Взглянув обречённо на серую полосу перед собой, я увидел, как по ней ко мне приближалось что-то большое. В нижней части приближающегося объекта злобно горели ослепительно яркие огни. Судя по звуку, сзади на меня надвигалось нечто подобное. Я инстинктивно закрыл лицо руками и в то же мгновение оказался в эпицентре огненного смерча, разорвавшего и испепелившего моё тело, ввергнувшего моё сознание в пылающе-чёрную бездну тотального уничтожения. Всё произошло так быстро, что в моей голове пролетело только два слова: асфальт и катастрофа. Затем окружающее и я стали отсутствием всего. Однако сквозь непроницаемую пелену безвременья к тому, что можно было назвать мной, тянулось едва заметное мерцающее ощущение.

2

Сознание возвращалось. Я выползал из своего «нигде» и впихивался в какое-то «здесь» то резкими рывками, то болезненными потугами. Окружающее казалось очень знакомым – словно я жил в этом долгое время, но как ни пытался, придумать или вспомнить название того, что было снаружи меня, я не мог. Впрочем, какая разница, как называть всё это? В конце концов, здесь возможно есть кто-нибудь... ну, кто-то похожий на меня, какой-нибудь - ах, да! – человек! То есть я – человек? Вот так я называюсь? Что ж, неплохо! И скорее всего, где-нибудь поблизости найдётся ещё один человек (или даже несколько человек), а значит будет кому объяснить мне... ну, вообще всё: где я, кто я и так далее.

Откуда-то издалека донёсся долгий и протяжный звук. Уууу-уу!.. Через мгновение такое же «уууу-уу» прозвучало с другой стороны. Я огляделся. Оказалось, что я сижу на чём-то продолговатом и деревянном. Причём это была не просто деревяшка – на сколько хватало глаз, через более или менее равные промежутки впереди и сзади меня были аккуратно уложены параллельно друг другу точно такие же... Нет, не

деревяшки. Кажется, это называется «брёвна». Ну да, точно. Все брёвна были скреплены между собой двумя невероятно длинными железками. У меня снова возникло ощущение, что всё это я уже когда-то видел и даже точно знал назначение и этих брёвен, и этих железок, - но то был лишь намёк на воспоминание.

Протяжные звуки, которые я слышал несколько мгновений назад, повторились. Теперь они были намного громче прежнего и, казалось, приближались: один надвигался на меня спереди, а другой – со спины. От этих «уууу-уу» исходила явная угроза. Я сидел, тупо глядя на ближайшее ко мне бревно, и пытался понять смысл происходящего вокруг. Ничего не получалось. Да и не мудрено – я ведь только-только осознал в общих чертах кем, собственно, являюсь и даже ещё не придумал, как называется всё, что вокруг меня. Из моих раздумий меня выдернул ужасающий рёв. Я вздрогнул, поднял голову и увидел надвигающееся прямо на меня огромное грохочущее нечто. Ища спасения, я резко обернулся – сзади ко мне приближалось точно такое же... я не знаю, как это описать! Что-то грандиозное, лязгающее и ревущее, пышущее жаром и пахнущее, кажется, смертью, - невероятные монстры! Вдруг, в один кратчайший миг в моей голове пронеслись отдалённо знакомые слова: шпалы, рельсы, поезд... катастрофа... Я только не успел как следует разобраться в этих обозначениях – мчащиеся навстречу друг другу монстры столкнулись, поглотив меня, и превратившись в чудовищное огненно-стальное месиво. Потом я оказался «нигде», но сквозь мрак несуществования ко мне едва заметным лучиком прорывалось что-то похожее на ощущение.

3

Сознание возвращалось. Чувства тягучими, но неотвратимыми волнами охватывали меня, постепенно выталкивая на поверхность моё, лишённое всякой целостности, присутствие в чём-то. Или среди чего-то – в это мне ещё предстояло разобраться. Наконец, распределив более-менее все свои ощущения, я почувствовал.

Первым, что я почувствовал, был влажный пронизывающий холод. Я сидел на какой-то весьма неустойчивой поверхности, окружённый почти непроницаемой белёсой мглой. Со всех сторон доносились тихие, убаюкивающе-однообразные звуки. Откуда-то мне было известно, что эти звуки и неустойчивость поверхности подо мной тесно связаны. Глаза мои слипались. Я захотел было прилечь на бок – наклонился, вытянул руку, чтобы облокотиться, и ладонь моя тут же попала во что-то холодное и мокрое. Я резко выпрямился, от чего поверхность подо мной сильно закачалась. Пытаясь сохранить равновесие, я замер, а когда то, на чём я сидел, стало качаться немного поменьше, принялся вглядываться в окружающую меня мглу.

Для начала я открыл, что сижу на не очень большой деревянной площадке правильной (как мне показалось) формы. Площадка лежала на какой-то довольно подвижной, даже беспокойной поверхности. Нет, скорее на поверхности чего-то подвижного и беспокойного... и очень большого. Эта-то поверхность как раз и издавала те самые убаюкивающие звуки. По крайней мере, я не увидел больше ничего, что могло бы хоть как-нибудь звучать.

Мне пришло в голову, что было бы неплохо вспомнить – но вот что именно? Где-то в глубине моего осознания роились образы, но ни понять их, ни даже разглядеть как следует я не мог. Я даже не смог, как ни пытался, придумать название тому, что меня окружало – то есть не этому белому мраку, не этой зыбкой поверхности и не деревянной площадке, на которой сидел, а вообще всему. Ну ничего, наверное где-то неподалёку есть ещё существа, подобные мне: такие же вот эти, как их там... Ну, вот я кто? Я... эээ... человек? Да-да, я – человек! Я так называюсь! И кажется, где-то должны были быть ещё какие-нибудь человеки. Надо было просто найти их, чтобы они мне всё объяснили. Вот только где их можно было бы найти?

Вдруг моя площадка ударилась обо что-то – причём с такой силой, что я лишь по чистой случайности не свалился в окружающую меня... Воду? Вот-вот, вокруг меня была вода, и я перемещался по её поверхности на чём-то квадратном и деревянном. И вот этот кусок дерева наткнулся на что-то...

Глянув на то, с чем столкнулся, я замер от изумления: это был невероятнейших размеров белый предмет, от которого веяло нестерпимым холодом.

Я подумал было перебраться на эту холодную штуковину и поискать на ней человеков, но по ряду причин от этой идеи пришлось отказаться. Во-первых, та часть штуковины, на которую я натолкнулся, возвышалась над водой почти вертикально. Во-вторых, поверхность штуковины была крайне скользкой. А в-третьих от всей этой громадины исходил такой холод, что мне показалось невероятным, чтобы человеки могли обитать в столь некомфортных условиях.

В общем, я остался на своей деревяшке. Нет, наверное не на деревяшке, а на... точно, на доске! Кажется именно так оно и называлось. И вот, я остался сидеть на этой доске, дрожа от холода и ожидая дальнейших событий. Вдруг, среди однообразного плеска воды, я различил какой-то посторонний звук – что-то похожее на гул и шипение одновременно. Звук приближался, но сколько ни вглядывался я в окружающую мглу, сколько ни пытался откопать в своей памяти хоть намёк на понимание происходящего – определить, что же было источником звука, я не смог. И тут из белёсой пелены появилось нечто гигантское и чёрное. В одно мгновение я осознал, что именно оно издавало тот шипяще-гудящий звук. Какие-то отдалённо знакомые слова вспыхнули в моей голове: океан, плот, айсберг, корабль... катастрофа... Кажется, я уже переживал нечто подобное. Когда? Я не успел вспомнить – всё вдруг превратилось в железно ледяное месиво и поглотило меня, размазав, распылив мой разум на мельчайшие частицы. После этого я оказался в каком-то «никогда», но сквозь безмерную черноту небытия ко мне едва заметной вспышкой прорывалось ощущение.

4

Сознание возвращалось. Точнее, оно вернулось одной мгновенной вспышкой, резко втолкнув меня в невероятно болезненное понимание присутствия «где-то». Я никак не

мог сориентироваться. Единственное, что я осознал сразу – движение.

Наконец, собрав и проанализировав все свои чувства, я понял, что сижу на чём-то мягком и удобном. Руки мои лежали на некоем предмете странной формы. Вокруг сверкало множество разноцветных огоньков, и вообще происходили какие-то необъяснимые процессы: всё как-то нервно дёргалось в различных направлениях, шевелилось, бежало, вертелось и прыгало. Уши мои были закрыты маленькими круглыми подушечками, из которых доносились то шипение, то чьи-то голоса. Понять, что они говорят, я не мог, но откуда-то знал, что принадлежат они таким же существам, как и я. А кто я? Ну, или хотя бы где я? Осмотревшись, я понял, что нахожусь в тесном помещении, в окружении всяких мигающих, дёргающихся и вертящихся штук, при этом само помещение, видимо, двигалось в пространстве. В моих ушах звучали человеческие голоса... Стоп! Человеческие! Я - человек! Но где же я? помимо огоньков и других предметов непонятного назначения, в помещении, где я находился, имелись большие отверстия, закрытые пластинами из прозрачного материала. Сквозь эти пластины я мог достаточно хорошо разглядеть окружающее, но оно меня почти совсем не заинтересовало: всё, что я мог увидеть - это мелкие яркие точки на почти совершенно чёрном фоне. Точки были повсюду. Сверху - более редкие и все одного цвета. Снизу - частые, собирающиеся в большие скопления и разноцветные. Я в своём чём-то двигался посередине.

Мне казалось, что я не могу сидеть здесь просто так, а должен что-то делать. Этого от меня явно требовали и голоса, звучащие в ушах. Но я не понимал их и не имел ни малейшего представления о том, что же я должен делать. Голоса стали звучать чаще и настойчивее. Спустя небольшое время они уже лились нескончаемым потоком в мою голову. Вдруг я осознал, что голоса наполнены смертельным ужасом. Я никак не мог сообразить, в чём же причина этого, что могло их так напугать.

Я снова взгляделся в окружающую темноту. Из неё прямо навстречу мне летело три огонька: красный, белый и

зелёный. Я был просто очарован этим зрелищем и, не отрываясь, не шевелясь, глядел на приближающееся чудо. И вот, когда огоньки оказались совсем рядом с тем, в чём я перемещался, я вспомнил два слова: самолёт и катастрофа, - но не смог связать их с происходящим. Следующее мгновение вспыхнуло ослепляющей белизной и превратилось в боль и всепоглощающий шум. Потом всё исчезло, растворилось во мне, а я распался на невообразимое количество осколков и стал абсолютным ничем. И в этом отсутствии всего вдруг появился едва заметный проблеск, намёк на ощущение.

5

Сознание возвращалось. Впрочем, понять это я смог не сразу - та темнота, из которой я выбрался, мало чем отличалась от тьмы, в которую я попал. Ну конечно, здесь присутствовало ещё что-то - и даже много чего, - но тем не менее, самым первым и наиболее сильным было ощущение бесконечной темноты. И даже не темноты, а какого-то не-существования. То есть вот я понимал, что я где-то есть - и всё. не было ни звуков, ни каких-то других ощущений, и даже моё тело, которое я вполне хорошо осознавал, казалось, было бесплотным и невесомым.

Правда темнота вокруг меня, как я уже говорил, всё-таки не была абсолютной - в ней присутствовало множество крохотных светящихся объектов. По крайней мере так было там, куда я смотрел. Я решил оглянуться и только тут понял, что нахожусь в каком-то... ну, коконе, что ли. Точнее, он был надет на меня. я чувствовал, что это одеяние было весьма громоздким, но при этом оно оставалось невесомым, как и я сам. Я захотел, было, выбраться из кокона, но что-то подсказывало мне, что этого делать не стоит. Ну ладно. И всё-таки любопытство подталкивало меня - я слегка пошевелился и почти мгновенно развернулся. Ну конечно, моё тело ведь ничего не весило!

Картина, открывшаяся моему взгляду была поистине величественной: прямо передо мной в пространстве висел голубой шар таких размеров, что я никак не мог разглядеть его целиком. Ну, строго говоря, шар был не совсем голубым

- на нём имелись пятна зелёного, жёлтого, коричневого цветов, а так же различных их оттенков. В этом гигантском шаре было что-то очень знакомое и даже какое-то родное. Очертания этих пятен - где-то я их уже видел, знал, что они должны выглядеть именно так. Я хотел быть там, на поверхности шара, я чувствовал, что должен быть там, словно это был мой... Мир? Да-да, мир! Я принадлежал этому чудесному миру, а он принадлежал мне; он был частью меня, а я - его частью.

Мной овладели сумасшедший восторг и необузданная радость. Возникло желание вот прямо сейчас устремиться к поверхности невероятной голубой сферы. Только я не знал, как это сделать. Все движения, которые я совершал, пытаясь приблизиться к своему миру, приводили только к бессмысленным кувыркам в пространстве. Не смотря на полную свою невесомость, я сильно устал и решил пока просто повисеть, отдохнуть и подумать, как быть дальше.

Я плыл в темноте, размышлял и попутно любовался своим миром. Я даже ненадолго задремал и чуть было не погрузился в глубокий сон, как вдруг безумная вспышка заставила меня открыть глаза.

Со всех сторон к только что обрётённому мной миру из окружающего пространства летели чудовищных размеров огненные глыбы. Они врезались в голубую поверхность, в коричневые и зелёные пятна, окрашивая постепенно весь шар ослепительно белым цветом. Зрелище это было исполнено поистине вселенского величия, но теперь мне почему-то совершенно не хотелось приближаться к моему миру, - в считанные мгновения он стал каким-то совершенно негостеприимным. Наконец, самая большая огненная глыба, лишь немного уступающая некогда голубой сфере в размерах, врезалась в её пылающую поверхность.

На мгновение они слились в одно испепеляюще яркое тело, а потом мой мир, мой прекрасный мир стал на моих глазах распадаться на куски. Меня обдало невероятным жаром и отбросило в пространство. Я нёсся через нескончаемость и видел, как разламывающийся шар, бывший ещё совсем недавно таким близким и родным, вдруг взорвался, разлетелся на мельчайшие кусочки. В следующее мгновение

вспышка этого взрыва разрослась до невообразимых размеров, поглотила меня, и я перестал существовать. Только из самых отдалённых глубин безвременья до меня доносилось какое-то почти непознаваемое ощущение.

6

Сознание возвращалось. Одно небытие сменялось другим, из тотально "ничто" я мгновенно переходил во всеобъемлющее "здесь", а затем на протяжении триллиардов лет втекал по капле в исчерпывающее "никогда". Я был звуком и образом - и одновременно я был абсолютной тишиной и бесконечной незримостью. Я был сжат в ничтожнейшую точку и в то же время невообразимое пространство было пропитано мной. Я не знал ничего, обладая совершенной информацией обо всём.

В какой-то момент я понял, что уже не могу удерживать в себе всю эту бесконечность - и одновременно не могу больше оставаться запертым в нулевом измерении. Чудовищный энергетический потенциал, копившийся внутри меня так невыразимо долго, рвался наружу - и я не мог его удержать. Поддавшись чудовищному порыву и одновременно сконцентрировав абсолютно незыблемое намерение, в ничтожный миг, вместивший в себя всю бесконечность времени, я стал чем-то ярким и исполненным тотального мрака. Я стал взрывом всеобщей аннигиляции и вспышкой воплощения изначальной материи. Я погиб в этом пламени, безвозвратно распался, разлетелся по необъятному пространству вселенной, которую сам же и породил.

И во всей этой безграничности не осталось ни одного атома, который не был бы пронизан лучами моих ощущений. И будучи, по сути, вселенским осознанием, я возвращался сам к себе. И был самым собой, не понимая, кто же я. И существовал повсюду, не умея дать название тому, в чём существую. Да и так ли всё это было важно? В конце концов вот здесь, передо мной простиралась беспредельная протяжённость пространства и времени. Это вполне должно было хватить, чтобы разобраться, что есть что.

БЕСЦЕННЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

Ничего не получится. Самая хреновая, самая пугающая мысль. Гонишь её от себя изо всех сил, но она, тем не менее возвращается с потрясающей регулярностью. Интернет - это невероятное шаманство, которое ты благославлял пару лет назад, - теперь он стал настоящим бичом всех, кто способен связать пару слов и изложить получившееся на бумаге. Никто не хочет покупать напечатанные постаринке книги и журналы - почти всё можно легко и бесплатно скачать в электронном виде. Желая быть услышанными, почти все мы публикуем свои тексты во всемирной сети. И нас читают. И мы ничего за это не получаем.

Можешь приползти в редакцию какого-нибудь журнала и хоть на коленях умолять - не напечатают! То же самое и с издательствами. Почти то же самое.

- Здравствуйте. У меня есть проект книги.

- Да? Хорошо. Чем мы можем Вам помочь.

- Я хотел бы издать её.

- Каким тиражом?

- Ну, экземпляров сто, может быть...

- Секундочку... Это будет стоить около пятнадцати тысяч.

- Спасибо

- Всего доброго.

Вот так, приблизительно. Издавайся за свой счёт, ищи потом возможности продать свою писанину. Скорее всего, даже если у тебя хватит наглости и безрассудства, чтобы издаться, весь тираж своей книжонки ты раздашь бесплатно. И будешь дальше жрать говно своей жизни, запивая его тем самым напитком, про который ты так много написал. Получи свои "три топора"! Во веки веков.

Ничего не получится. Ты подозреваешь, что ввязался в игру, правила которой тебе абсолютно непонятны. И только твоя упёртость не даёт тебе плюнуть на всё. Тупое и благословенное битьё башкой о стену – вот на что это похоже. Заведомо ты был обречён. Приходишь читать свои рассказы десятку таких же бездельников и лузеров. Сидишь

за столом, пьёшь своё пиво (а чаще - чё-нибудь), ненавидишь себя.

- А теперь: наш постоянный автор... Дмитрий Манаев. Встречайте!

Раздаются вялые хлопки, и ты тащишься к микрофону - надоевший и себе, и всем окружающим. Но не выйти, не прочитать - это хуже, чем смерть. Переполнишься. Взорвёшься, разбрызгивая фекалии по стенам. И в последний момент отчётливо осознаешь: ничего не получилось! Как, блядь, в воду глядел!

Страшно. Противно. И неловко как-то - сам же виноват! Поэтому идёшь и произносишь слова, которые и сам-то не до конца понимаешь.

Знакомые гопники встречают тебя вечером.

- О, еба! Здарова, Диман!

- Здарова!

- Ты откуда это?

- С концерта, - немного врёшь ты.

- В смысле? А чё за концерт?

- Ну, я там в клубе одном рассказы свои читал...

- Ни хуя! А ты чё, рассказы пишешь?

- Ну да, - говоришь ты и понимаешь, что тебе стыдно.

- Ебааа! Охуеть! А чё, эт, в смысле про чё пишешь-то?

- Ну, так, про всё подряд.

- И чё, про Заводской?

- Конечно!

- Эт, бля, а про меня напишешь?

- Ну, ебать, а как же!

- Блядь, прикольно! Ну лан, давай!

- Ага. Пока!

Ты уходишь. До дома минут пять ходьбы, а тебе стыдно и хочется ужраться в говно. Про кого ты там собрался написать? Да ему на хуй не нужны никакие рассказы - и спросил он так, чтобы поржать над тобой. А чего ты, собственно ещё ожидал? Ничего ведь не получится - сам же знаешь. Вот тебе твой портвейн: выпей и забудь про всё. Так будет лучше - никаких сомнений.

А в интернете тебя по прежнему читают. И кому-то это даже нравится. И ты по прежнему не получаешь с этого ни одной

ёбаной копейки. Но тешишь себя лицемерной мыслью, что никто не назовёт тебя продажным. Пока никто. В глубине души ты ещё надеешься, ещё говоришь себе: "Ну, ничего: рано или поздно продам. Так уж заведено. Не дано ведь иного-то!"

А тем временем ветер швыряет тебе в морду с полкило пропитанного мочой песка и какую-то вонючую бумажку. Ты ловишь её, разглядываешь и понимаешь, что это страница из книги. Из очень знакомой книги. Булгаков что ли? Ну да! Местные жители ценят хорошую литературу. Книжный формат очень удобен, чтобы подтирать задницу - особенно, если бумага не особенно плотная. Ты вспоминаешь, как впервые прочитал Толкиена. Ты тогда в армии служил.

- Олег, там бумага есть? - спросил ты у сослуживца, выходящего из покосившегося, щелеватого уличного туалета.

- Ага! До хуя - кто-то целую книжку положил.

Пристроившись над дырой в деревянном полу, ты решил немного развлечься чтением. В армии такой сортир - чуть ли не единственное место, где можно уединиться. А, ну разве что ещё караульная вышка - но там никто книжки не кладёт. Короче, ты открыл книгу, и пропал там минут на сорок. Книжка называлась "Хранители". И ты не смог её там оставить - как бы ни ржали над тобой бойцы и офицеры. Да и сам ты всегда потешался над этим случаем. Но традиция есть традиция: лучшие книги оказываются в сортире. Исключительно из практических соображений - тут тебе и читиво, и туалетная бумага, и можно ещё мух отгонять. Ты всегда знал это.

Ну, и посмотри теперь, к чему же ты в итоге пришёл? А к тому, что, если разобраться, сам стремишься, чтобы твою писанину положили на полочку в каком-нибудь сральнике, и говорили потом:

- А чё, бумага-то есть там?

- Ну да. Целая книжка. Хорошая. Бумага мягкая.

- А чё за книжка-то?

- Да хуй его знает! Какой-то Мамаев... Или Манаев...

- А... Ну, ладно - главное, что бумага хорошая.
